

INSPIRIA

КОФЕ
СО
ВКУСОМ
УБИЙСТВА

Дже́й Эм Хо́лл

INSPIRIA

Ток. Убийство по соседству: романы Дж. М. Холла

Джей Эм Холл

Кофе со вкусом убийства

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Холл Д.

Кофе со вкусом убийства / Д. Холл — «Эксмо», 2022 — (Ток. Убийство по соседству: романы Дж. М. Холла)

ISBN 978-5-04-191783-8

Насладитесь за чашкой кофе этим остроумным и заразительным детективом в духе Агаты Кристи и Ричарда Османа. Три самых неожиданных сыщицы, которых вы когда-либо встречали. Выход на пенсию может быть смертельным... Каждый четверг три школьные учительницы на пенсии собираются за чашечкой ароматного кофе, чтобы обсудить последние новости. В один такой дождливый четверг они случайно сталкиваются в кафе со своей бывшей коллегой Топси. Никто из них и представить не мог, что к следующей неделе она будет мертва... Казалось бы, дело проще некуда – старушка перепутала таблетки. Только слишком много странностей предшествовало ее смерти. Пропавшие деньги, подозрительные звонки и черный фургон у дома. Но самое главное, подругам не дает покоя одна тревожная фраза, сказанная Топси в их последнюю встречу: «Было бы лучше, если б она умерла» ... О ком эти слова и, не связаны ли они с ее внезапной кончиной? «Приятные герои и отличный стиль... Книга пропитана Йоркширским колоритом, как кружка горячего крепкого чая. Мне очень понравилось» - С. Дж. Беннет, автор бестселлера «Виндзорский узел» «Увлекательное чтение о том, как повседневная жизнь сталкивается с убийствами» - Фейт Мартин, автор популярной детективной серии «Инспектор уголовной полиции Хиллари Грин»

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-191783-8

© Холл Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1,	7
Глава 2,	12
Глава 3,	15
Глава 4,	19
Глава 5,	22
Глава 6,	25
Глава 7,	28
Глава 8,	34
Глава 9,	39
Глава 10,	45
Глава 11,	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джей Эм Холл

Кофе со вкусом убийства

J. M. Hall

A Spoonful Of Murder

Copyright © J. M. Hall 2022

В коллаже на обложке и во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © Dedraw Studio, Creative Phone, GoodStudio, Agnieszka Karpinska, LUMIKK555, Kite-Kit, Zmiter / Shutterstock.com; Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки: © Anastasiia Gevko / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Никишева К. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Маленький английский городок, затерянный в Йоркшире, где ничего не происходит. Кроме загадочной смерти. И только трем неугомонным старушкам есть дело до поиска правды. Попадая в различные комичные ситуации, они упорно распутывают клубок тайн, опутавший их спокойный и размеренный мир.

Алина Лесняк, редактор

* * *

Посвящается Джудит

Глава 1, Где встречают старую знакомую и подают непрошенные пирожные

Скажем просто: они никогда не стали бы участвовать в расследовании убийства. Но, как потом сказала Тельма, все случившееся (во всяком случае, поначалу) – неотъемлемая часть жизни в маленьком городке. Случилось кое-что, потом кое-что еще, а потом еще и еще. Пэт пошла в банк в Тирске, а не в Рипоне, Лиз столкнулась с Паулой в то утро в «Теско»¹.

Первое в череде событий произошло потому, что по четвергам они проводили традиционное «кофепитие» в кафе в садовом центре Тирска. Не в среду, потому что Тельма целый день работала в благотворительном магазине, и не в пятницу, потому что в это время Пэт любила ходить в фермерский магазин, а Лиз забирала внука из школы. И, по негласной договоренности, ни в понедельник, ни во вторник, ведь это начало недели, а им казалось, что лучше встречаться, когда неделя идет на убыль. Это напоминало о тех временах, когда они преподавали в начальной школе Святого Варнавы: утренние перемены в пятницу сопровождались чувством предвкушения – и шоколадным печеньем. Это были дни, когда жизнь привязывалась к выходным – два долгожданных дня вдали от гуаши и зарядки, рисунков губкой и прописей.

С тех пор как все они вышли на пенсию (Пэт – два года назад, Тельма и Лиз – четыре), выходные, скажем честно, несколько утратили это особое качество, этот сакральный, выхваченный украдкой блеск. По правде говоря, дни даже стали какими-то... одинаковыми – воскресенья, вторники, четверги, – и с этим единообразием приходилось бороться с помощью книжных клубов, фитнеса и смен в благотворительном магазине. Бороться, но не признавать.

Отсюда кофе по четвергам в садовом центре Тирска (удобная парковка, почти нет туристов).

И будь это не четверг... не кафе в садовом центре... они бы не встретили Топси и Келли-Энн и, что самое важное, Тельма не наткнулась бы на Топси, плачущую в туалете, – а, по общему мнению, с этого все и началось.

Итак: четверг, кафе в садовом центре, около одиннадцати тридцати утра. Унылый, моросящий день в конце февраля, когда мокрая зима сменилась наконец не менее мокрой весной, и витринам с надписью «Приготовьтесь к новому сезону!» пришлось потрудиться, чтобы создать образ перемен и веселья. Легкий дождь размазывался по окнам кафе, и все вокруг казалось мокрым – мокрым, темным и капающим. Поля вокруг города заполнили огромные зеркальные плиты воды, дороги и переулки были помечены знаками, предупреждающими о наводнении, а в кафе отчетливо пахло сырными пальто и леденцами от кашля.

Заведение было заполнено примерно на две трети Людьми Определенного Возраста (любимое выражение Пэт). Дочери, пригласившие родителей на кофе, странная молчаливая семейная пара, угрюмо поглощающая полный английский завтрак, и в основном такие же компании друзей, как они сами: кофе, пирог и болтовня.

Расположившись за любимым столиком (круглым, в дальнем углу, подальше от стойки с подносами и магазина Эдинбургской шерстяной фабрики), они обменивались новостями: у младшего сына Пэт, Лиамы, появилась первая девушка – да, приятная вроде, но, кажется, какая-то поэтесса с одной из этих кельтских татуировок на предплечье – не помешает ли это Лиаме сдать экзамены и поступить в Дарем на строительный факультет? («С Божьей помощью», – сказала Лиз. «Да при чем тут Божья помощь, – ответила Пэт, – ему нужно сосредоточиться на оценках, а не на кельтских поэтессах»). Потом обсудили внука Лиз, Джейкоба,

¹ «Теско» – популярная сеть британских супермаркетов.

который, несмотря на то что учился в лучшей школе Бороубриджа у лучшей учительницы (безупречная миссис Белл, рейтинг пять звезд), оказывался во всех группах поддержки для детей с особыми потребностями. Вдобавок у него все чаще случались приступы, которые Лиз именовала «срывами». Тревожнее всего было то – Лиз фирменно нахмурилась, – что в школе начали намекать: к сожалению, им, кажется, стоит рассмотреть Новые Варианты.

Беседа подходила к концу: они уже обсуждали последнюю серию саги о завуче из их старой школы и ее новых персональных номерных знаках («Все что надо знать о системе образования», – мрачно заметила Тельма), когда Лиз неожиданно выпалила: «Это Топси», как будто обсуждение бывшего места работы каким-то образом материализовало их бывшую коллегу.

Тельма и Пэт огляделись. Тельма ожидала увидеть резкие, но немного мрачноватые черты лица – черты, которые идеально соответствовали решительным записям в детских тетрадях по чтению «Читает с НЕКОТОРОЙ беглостью. ПОЖАЛУЙСТА, попробуйте дочитать эту книгу дома». Пэт инстинктивно проверила бюст, пригладила волнистые волосы, выкрашенные хной, и поправила легкий яркий шарф, припомнив так ясно, словно наяву услышала его, тот неодобрительный возглас в глубине горла, который сопровождал многое, что годами она делала перед Топси: обильное использование блесток, пародирование школьного секретаря, чрезмерно восторженное исполнение песни «Мы идем охотиться на медведя».

Но первой они увидели не Топси, а Келли-Энн, ее дочь, некогда похожую на принцессу Златовласку: она стала старше, располнела, на ее лице проступили мрачные йоркширские черты матери, но в ней по-прежнему оставалось что-то от принцессы (розовое пальто «Шанель», сумочка «Майкл Корс», золотые локоны, явно уложенные в салоне классом повыше, чем «Завивка и окраска», куда они ходили). Она оглядывала переполненное пространство в поисках свободного столика. Тельме, поклоннице черно-белых *фильмов*, она тут же напомнила Бетт Дейвис²; казалось, над головой Келли-Энн вот-вот всплывет надпись «Что за дыра!».

А рядом с Келли-Энн стояла сгорбленная фигура, скрючившая руку, будто ребенок на пешеходном переходе... растерянное раскрасневшееся лицо подрагивало, она яростно оглядывалась по сторонам, словно недоумевающая, где находится и что от нее хотят. Затем это лицо прояснилось, и Тельма с Пэт наконец узнали некогда эффектные, но грозные черты бывшей воспитательницы, Топси Джой. Ее имя всегда вызывало у Пэт (у которой была привычка давать людям прозвища) ассоциации с детскими книжками с картинками – «Топси Джой в парке», «Топси Джой на море». Возможно, именно поэтому Топси старалась быть такой жесткой, чтобы компенсировать неверное впечатление, которое могло произвести ее имя.

Когда Келли-Энн услышала восклицание Лиз и увидела всех троих за столиком, ее лицо прояснилось от внезапного облегчения, как будто именно их она и ожидала тут встретить.

– Смотри, кто здесь, – сказала она, слегка встряхнув Топси. – Мама, посмотри, кто это. – Она лучезарно улыбнулась им; что-то в ее радости, в нарочитости слов, обращенных к матери, создавало впечатление, будто их подчеркнули розовым фломастером. Все трое исподтишка переглянулись: никто и никогда не разговаривал таким тоном с Топси. Но та, похоже, вообще мало что понимала; ни тени узнавания не проскользнуло по ее лицу, пока Келли-Энн осторожно подводила ее к столику.

– Ну вот, – сказала Лиз. Но Топси отшатнулась от улыбающейся женщины в зеленом кардигане, разглядывая ее короткие седые волосы и морщины, как будто пыталась вызвать к жизни какое-то давнее воспоминание. – Сколько лет, сколько зим, – добавила Лиз уже менее уверенным тоном.

² Рут Элизабет «Бетт» Дейвис (1908–1989) – американская актриса, первая в истории мирового кинематографа номинированная на 10 премий «Оскар».

На самом деле прошло уже более полутора лет с тех пор, как они видели ее на похоронах Гордона: тогда они стояли, прижавшись друг к другу, на церковном дворе в Балдерсби. Лицо Топси застыло, как маска, а Келли-Энн каким-то образом съежилась и стала похожей на ребенка.

– Мы просто вышли прогуляться. Проветриться немного, – произнесла Келли-Энн. – Правда, мама? – И снова этот теплый, веселый, но нарочитый тон с ноткой усталости, которая ни от кого не ускользнула. Все трое уставились на Топси, а та посмотрела на них в ответ так, будто напряженно разгадывала sudoku и ее прервали.

Момент нарушила внезапная вспышка жизнерадостной энергичной баллады (Арета Франклин³, определила Пэт). Келли-Энн принялась лихорадочно рыться в сумочке «Майкл Корс» и выудила оттуда ярко-розовый телефон.

– Дамы, мне *необходимо* ответить, – сказала она серьезным, сожалеющим тоном, словно ей звонил младший член королевской семьи. – Отлучусь буквально на две секунды.

Келли-Энн была не совсем права: две секунды растянулись на тридцать три с половиной минуты. Впоследствии каждой казалось, будто Келли-Энн в какой-то степени навязала им свою мать. («Не то чтобы мы возражали. Бедолажка. Ей нужен был перерыв», – сказала Лиз позже Пэт. «Ну, она его, конечно, получила», – ответила та.) И да, конечно, никто из них не возражал, нисколько, но, скажем честно, последующие тридцать три минуты были довольно напряженными.

Не то чтобы они были не рады Топси, просто это было совсем не то, что Лиз называла «как в старые добрые времена». С самого начала было ясно: у Топси какие-то трудности. Во-первых, разговор не клеился – другого слова не подберешь: все реплики и вопросы, обращенные к Топси, были встречены недоуменным молчанием. Словно помехи в телефоне; как будто Топси не слышала или не понимала совершенно ясные замечания о детях, праздниках, неурядицах в новом супермаркете «Олди», больных коленях и протекающих водостоках.

А еще те странные замечания Топси. О Гордоне, своем покойном муже, она говорила в настоящем времени, как будто тот отлучился в гольф-клуб, а не лежал на кладбище в Балдерсби. О Келли-Энн, как будто она все еще училась в школе, – а затем другие, бессвязные реплики о непрочной изгороди или людях, приходивших в гости. Все эти замечания не имели ни малейшего смысла. Пэт пыталась поправлять Топси; однако опыт научил Лиз (с матерью Дерека) и Тельму (с тетей Айрин) обратному. Слушая Пэт, Тельма вспомнила, как тетя Айрин настаивала на том, что дядя Билл (покойный) просто спустился в огород, и как раздраженные поначалу возражения матери со временем сменились усталым «Да неужели, Айрин?».

Разговор о школе Святого Варнавы шел немного лучше, хотя было очевидно, что Топси понятия не имела, что школа стала академией (или, если уж на то пошло, что вообще такое академия). К тому же она, похоже, считала, что Тельма еще не вышла на пенсию, хотя именно она подарила ей кофеварку на прощание.

Мало того что разговор шел с трудом, так они уже задержались на двадцать пять минут дольше обычного. Лиз (украдкой бросавшей измученный взгляд на часы) нужно было забрать чай для Джейкоба, а еще ей хотелось присмотреть растения для клумбы. Тельме пора было сменить Верну в благотворительном магазине, а Пэт наполовину мечтала о шопинге в «Кантри-Кэжуалс»⁴ в Харрогите. Другая половина – больше половины – подумывала о том, чтобы вернуться домой пораньше и осмотреть спальню Лиамы: не найдет ли она там следы кувырканый с кельтской поэтессой?

Но было и что-то еще. Что-то, что привнесло нотку холода и сомнений в их привычный еженедельный ритуал «кофепития». Болезнь, которая явно нависла тенью над Топси, они в

³ Арета Луиза Франклин (1942–2018) – американская певица, известная как «королева соула».

⁴ «Кантри-Кэжуалс» – британская марка одежды, которая принадлежит Эдинбургской шерстяной фабрике.

разное время наблюдали у бабушек и дедушек, потом у родителей, у посетителей церкви, у бывших коллег и – все чаще теперь – у партнеров и друзей из числа ровесников. Приходилось смотреть правде в лицо: от старости никуда не деться и с этим может столкнуться каждый. Если деменция случилась с Топси, решительной и здравомыслящей Топси, которая могла пробраться через кучу грязных палитр с краской быстрее, чем кто-либо в «Блю Бейс», то она, несомненно, могла случиться и с ними.

Так что все почувствовали облегчение, когда Келли-Энн объявилась у столика («Простите, дамы!»), а ее самозабвенный смех прикрыл тридцать три минуты и объемистую сумку от Эдинбургской шерстяной фабрики. Отсутствие явно пошло ей на пользу: она выглядела намного счастливее, как весенние цветы, более сияющей, улыбчивой, яркой... Она несла с собой поднос, где было кофе на всех плюс пять изумительных вишневых пирожных розового цвета.

– Сегодня день пирожных, дамы! – весело объявила она. – Пирожные, мама! – Она поставила поднос и неожиданно крепко обняла Топси сзади, от чего у Тельмы на глаза навернулись слезы. Что бы ни ждало Топси в будущем, в нем также была Келли-Энн, ее опора.

На самом деле никто не хотел сладкого. Тельма наелась тостами, Пэт страдала от своего обычного послепирожного чувства вины перед калориями, а Лиз с откровенным ужасом смотрела на свой десерт. Еще более неловко было оттого, что вся эта история с кофе и сладким сильно всех задержит. Беседу не могла спасти даже жизнерадостная Келли-Энн. У них никогда не было с ней ничего общего; все годы работы рядом с Топси они просто наблюдали за ее жизнью: пони по кличке Маффин, частная школа, затем другая, когда с первой «не сложилось», что означало – экзамены она не вытянула. Затем при финансовой поддержке родителей она начала работать косметологом, потом стала совладелицей конюшни, опять же при поддержке Гордона и Топси. Затем ей подвернулся женатый (а после встречи с Келли-Энн немедленно разведенный) ветеринар из Ричмонда; свадьба со струнным квартетом и ледяной скульптурой. И главный лейтмотив ее жизни – по выражению Пэт – «дизайнер такой-то и сякой-то».

Пока они сидели, а в кафе стоял обеденный переполох, Келли-Энн жизнерадостно задавала множество вопросов, которые лишь доказывали, что она знает о них примерно столько же, сколько они о ней (у Лиз был один сын, а не две дочери; Пэт никогда не увлекалась садоводством; а уж откуда Келли-Энн взяла, что Тельма следит за регби, – уму непостижимо). Изредка в разговор вступала Топси, некоторые из ее реплик имели смысл, некоторые – нет; каждый раз ее дочь реагировала одинаково: тепло улыбалась, накрывала ее руку своей и делала многозначительную гримасу в сторону остальных женщин. Разговор о Келли-Энн получился чуть более содержательным. Она недавно уволилась, последнее место оказалось «полной Ж», и сейчас помогала своей подруге Несс, которая занималась недвижимостью. Никто не хотел спрашивать, что там с ветеринаром из Ричмонда, но она, словно прочитав их мысли, сказала: «Конечно, мы со Стюартом больше не вместе» – и печально улыбнулась им.

– Как жаль, – сказала Тельма.

Келли-Энн философски покачала головой.

– Знаете, каково это, когда любишь кого-то, но настолько сильно, что быть вместе причиняет боль? – произнесла она.

Все кивнули, хотя на самом деле никто этого не знал. Пэт лениво размышляла, можно ли отнести сюда тот случай, когда она швырнула боксеры Рода через всю комнату и рывкнула: «У нас есть корзина для грязного белья».

– Есть ли кто-то на примете? – спросила она. Келли-Энн улыбнулась с исключительно жеманным видом.

– Да вы же сами знаете, приходится перецеловать множество лягушек, прежде чем найдешь своего принца.

– И конечно, он явился к нам в дом, – внезапно заявила Топси.

Все уставились на нее.

– Что ты сказала, дорогая? – спросила Лиз.

Они все посмотрели на нее.

– Несколько человек. Они приходили в дом. В разное время. Гордон сказал, что все уладил. Жаль только, что он мне ничего не сказал. – Она начала крошить пирожное, сосредоточенно хмурясь. – Финансовые недочеты – вот что он все время твердил.

– Мама, сейчас не время для этих разговоров. – Голос Келли-Энн звучал мягко, но решительно. Жизнерадостность угасла, в нем отчетливо прорезалась сталь; нотка усталости в голосе подтверждала, что она сталкивается с этим не впервые. Топси проигнорировала ее, но продолжила хмуро смотреть на тарелку с крошками.

– Финансовые недочеты, – повторила она неуверенно.

Лиз и Пэт покосились на нее, пытаясь понять, к чему это она сказала. Тельма в этот момент случайно взглянула на Келли-Энн и увидела, как черты лица принцессы уступают место чему-то совсем иному, более взрослому, печальному и с едва уловимой скорбью, как в тот раз, когда пони по кличке Маффин пришлось усыпить.

– Это так грустно. – Келли-Энн понизила голос, едва шепча слова. – Все развивается так быстро. Такая жизнь не для нее.

Все трое сочувственно переглянулись. Слова здесь были излишни.

Все ощутили облегчение, когда пять минут спустя Лиз наконец покачала головой и с сожалением, но твердо произнесла: «"Теско" зовет»; Пэт и Тельма тоже нашли оправдания, оставив Топси и Келли-Энн за столиком в углу в окружении грязных кофейных чашек и едва тронутых розовых пирожных.

«Топси Джой в садовом центре», – подумала Пэт, оглянувшись и внезапно ощутив саднящий укол жалости.

Глава 2, Где проливаются слезы, а в уборной садового центра звучат тревожные слова

В отличие от подруг Тельма ушла не сразу, написав Верне, что немного задержится. Прогулка по магазину Эдинбургской шерстяной фабрики дала ей пять драгоценных минут, которые она провела в необременительных размышлениях о трикотаже пастельных цветов и печенье в коробках в шотландскую клетку.

Встреча с Топси потрясла ее; она и не подозревала, что той нездоровится. Но так оно и происходит в жизни – связь с бывшими коллегами теряется. Конечно, вы оптимистично обещаете друг другу собраться вновь, – но на деле это происходит редко, – а потом изредка сталкиваетесь на парковках или в очереди в кинотеатр и снова даете это обещание – вы уверены, что у них все в порядке... и, как правило, так оно и есть, но идут годы, и наступает время, когда у них уже не все в порядке.

И, разумеется, эта встреча натолкнула ее на еще более мрачный вопрос: что ждет их с Тедди, бездетных, в будущем? Вспомнив крепкие любящие объятия Келли-Энн, она, несмотря ни на что, почувствовала укол зависти. У Топси кто-то был.

Боже, подумала она, задержавшись у стопки уцененных кардиганов и вдыхая успокаивающий запах свежей шерсти. Благослови Топси и Келли-Энн. Благодарю Тебя за то, что Келли-Энн присматривает за матерью. Прошу, дай им силы и не оставь их. И если я могу чем-то помочь, подай мне знак.

Но ответа не последовало, разве что официантка в кафе растерянно выкрикнула: «Картофель с тунцом!» Бог, похоже, прекрасно справлялся и не нуждался в помощи Тельмы. Она вздохнула и посмотрела на лежащий перед ней кардиган веселого желтого оттенка.

Лимонно-желтый кардиган, свалявшаяся и немытая шерсть...

Она пришла в себя, словно от ожога, – пора уходить.

По дороге она зашла в «тайную комнату», как любила говорить Пэт (зеркала из дымчатого стекла, чаши с ароматической смесью, стильная коричневая плитка на стенах: одна из причин, по которой им всем так нравилось это место). Вымыв руки мылом сиреневого цвета, она посмотрелась в зеркало: очки, короткие каштановые волосы, слегка порозовевшие щеки... неужели и они однажды превратятся в нечто хмурое, дрожащее и растерянное? Опять эта внезапная болезненная паника, этот серьезный вопрос, который никогда не выходил у нее из головы.

И тут дверь открылась, прервав ее мысли, и в уборную вошла Топси. Тельма уже собиралась отпустить какой-нибудь забавный комментарий в духе «сколько лет, сколько зим», когда поняла, что Топси плачет; крупные беспомощные слезы текли по ее щекам и капали на подбородок.

– Топси, что случилось?

Та лишь непонимающе на нее посмотрела.

– Топси, это я, Тельма.

– Такая неразбериха, – сердито произнесла Топси, принимая предложенный платочек. – Настоящий бедлам.

– Бывает, – сказала Тельма примирительно.

– Я не знала, – раздраженно продолжала Топси, вытирая глаза платочком. – Они пришли в дом, и я подумала, что они те, за кого себя выдают.

– Порой что-то застает нас врасплох, – негромко произнесла Тельма. Она успокаивающе положила ладонь на руку Топси – удивительно тонкую и хрупкую сквозь плащ и кардиган. – Я найду Келли-Энн. Она будет волноваться, куда ты пропала.

– ... писали мне, звонили мне. Финансовые недочеты – так он сказал. А потом они стали приезжать к нам домой. В разное время. Черный фургон у входа. Она велела мне не впускать их, но это Гордон прислал их, не я. – Топси снова покачала головой, ее голос дрожал.

– В наше время нельзя быть слишком осторожным, – заметила Тельма.

– Я слышала... их разговор. – Топси сделала глубокий порывистый вдох и с усилием продолжила: – Он думал, что я сплю, но я не спала. – Ее тон изменился.

– Какой разговор? – спросила Тельма.

Но Топси не обращала на нее внимания, сосредоточенно втирая сиреневое мыло.

– «Было бы лучше, если б она умерла», – внезапно выдала она. – Вот что он сказал.

– Прошу прощения? – ошеломленно переспросила Тельма.

– Он думал, что я сплю. – Голос Топси звучал так, словно она устала от этой темы и злилась на Тельму за то, что та ее подняла.

– Кто эта «она»? – мягко спросила Тельма.

Топси, казалось, не хотела отвечать.

– Это вопрос, который они задают, – произнесла она, глядя на себя в зеркало. На мгновение черты ее лица обрели резкость, на мгновение здесь возник призрак прежней Топси. – Люди должны взять себя в руки, – заявила она.

И тут в уборную ворвалась Келли-Энн, розовощекая сила природы.

– Вот ты где, мама. – Она набросилась на мать и направила ее к двери.

– Твоя мама немного расстроена, – начала было Тельма. Она хотела сказать еще что-то, но Келли-Энн прервала ее возгласом «Спасибо!», неуклюже обняв Топси одной рукой и подтолкнув ее к выходу.

У двери она замерла.

– Это разбивает мне сердце, Тельма, честное слово, – обронила она через плечо Топси, понизив голос. – Она ненавидит быть такой. Но как иначе?

И не успела Тельма опомниться, как осталась в туалете одна, хмуро глядя в дымчатое зеркало.

* * *

В подсобном помещении благотворительного магазина при хосписе Святой Екатерины Тельма второй раз за день вдыхала запах одежды, только теперь он был старым и затхлым. Она натянула одноразовые перчатки и начала сортировать одежду из мешков для сбора в три стопки (стирка, переработка, на выброс), у нее появились время и место, чтобы обдумать утренние события; то, что сказала Топси в женском туалете, беспокоило ее.

Было бы лучше, если б она умерла...

Он думал, что я сплю.

Кто такой «он»?

И дело было даже не в словах, а в том, как Топси произносила их: беспомощно, растерянно. Конечно, Топси явно была больна, но опыт Тельмы подсказывал, что деменция зачастую только усиливает имеющиеся черты. Ворчуны становятся еще ворчливее, нервные люди – еще более нервными. Взять хоть бы Кармен из школьной столовой, чей дядя оказался замешан в печально известной истории с подменной женой в Мелмерби; когда он заболел, кто мог забыть тот ужасный случай на рынке Тирска?

– Господи, Отче наш, – прошептала Тельма, – не Ты ли сказал: «Все заботы ваши возложите на Меня», что мне делать – и надо ли что-то делать – с Топси и ее бедой?

Пытаясь обрести внутреннюю тишину, она прокручивала в голове различные варианты действий: рассказать об этом кому-то, не рассказывать, спросить совета. Она понятия не имела, как поступить.

И тут ей пришел ответ, как если б он был написан на обложке потрепанного экземпляра «Пятидесяти оттенков серого» у ее левого локтя.

Сходи к ней. Узнай больше.

Тельма встала с охапкой одежды для переработки; она заглянет к Топси в понедельник. Но не в одиночку. За все то время, что она знала Топси, их отношения, хотя и были достаточно теплыми, так и не переросли в дружбу. Но вот Лиз – нервная, трудолюбивая Лиз – совсем другое дело. Они всегда были близки. Как любила повторять сама Топси: «Мы с этой леди *пуд соли съели*».

Да, ей нужно пойти с Лиз, решила Тельма, перебирая унылую коллекцию довольно затхлых летних топов.

Но как ей об этом сказать? Топси считает, будто кто-то хотел ее убить? Тельма внезапно живо припомнила, как бурно реагировала Лиз на различные кризисы на протяжении многих лет. В конце концов, у Топси в голове неразбериха, быть может, это всего лишь один из таких случаев. Все это могло, как выражалась ее мать, оказаться просто пшиком.

Глава 3, Где визит проходит не так, как ожидалось, обсуждают современные технологии и пробуждаются воспоминания о сердцеде из молодости

В следующий понедельник, когда Лиз притормозила перед домом Гордона и Топси с коробкой печенья на заднем сиденье, морось медленно, но верно перерастала в полноценный дождь. Гортопс – дом Гордона и Топси – представлял собой угловатое здание со стеклянным фасадом (из-за отдаленного сходства с заправочной станцией Пэт дала ему прозвище «Рейнтон-Саут»), стоящее в стороне от дороги на краю широких плоских полей, откуда открывался вид на Хэмблтонские холмы. Пока Лиз всматривалась в дорогу в поисках обнадеживающего вида серебристо-голубого «Фиата» Тельмы, ее встревоженный разум прикидывал и перебирал различные варианты, о которых она могла бы сообщить Пэт: Топси не узнает их («Это так печально») или, возможно, Топси каким-то чудом станет острее и яснее мыслить («Дома и стены помогают»).

Однако ее беспокойство было связано не только с состоянием Топси; дело в том, что за все годы совместной работы они ни разу не ходили друг к другу в гости, как и большинство ее коллег. Практически все их общение (за исключением рождественского вечера) – все разговоры о жизни и смерти, надеждах и тревогах, больных родственниках, поездках на Крит и новых теплицах – проходило в кругу оливково-зеленых кресел в учительской, или у ксерокса, или пока они держали в руках кружки с кофе во время дежурства на детской площадке.

Лиз посмотрела на часы. Они с Тельмой договорились встретиться здесь в половине одиннадцатого. Сейчас было без двадцати пяти одиннадцать. На мокрой обочине был припаркован один-единственный автомобиль – черный фургон, выцветший, с низкой посадкой, как будто он старался не привлекать к себе внимания. Еще одна возможная деталь в копилку утренних тревог – вдруг она помешает ему проехать, – но тут фургон с шипением отъехал в сторону по назревающим лужам. Лиз повернула голову – от Тельмы по-прежнему ни слуху ни духу. Словно в ответ на ее мысли телефон хрюкнул. (Нужно обязательно попросить Джейкоба вернуть звуковое оповещение к прежнему сдержанному «дзинь».)

ОПАЗДЫВАЮ НА 17 МИН ПРОСТИ

Т.

Семнадцать минут с какого момента? Сейчас или с половины одиннадцатого? Стоит ли подождать? Внезапный стук дождя по крыше придал ей решимости: она приехала увидеться с подругой, и она увидит ее. Лиз помедлила мгновение, вцепившись руками в руль в положении на 10 и 2, дыша в заученном ритме. За свою жизнь она поняла, что перед выполнением своего долга часто требуется сделать глубокий вдох и собраться – иными словами, как выражалась Пэт, взять себя в руки.

Итак, взяв себя в руки, Лиз заглушила двигатель, заперла машину (проверено дважды), с надеждой оглянулась в поисках чистенького голубого «Фиата», а затем открыла большие ворота с пятью перекладинами.

Палисадник выглядел неухоженным.

Лиз, опытному садоводу, это сразу бросилось в глаза. Правда, стояло не самое лучшее время года, но даже сейчас налицо были признаки постоянного и укоренившегося запустения: кусты не мешало подстричь, газон покрылся скользким мхом, края клумб заросли сорняками, и все это выглядело так же неопрятно, как испачканный едой кардиган. Из многолетних разговоров она знала, что ни Топси, ни Гордон не особо любили возиться с землей, но для поддер-

жания порядка к ним дважды в месяц приходил садовник. Она вспомнила, когда в последний раз видела сад (на поминках Гордона: выездное обслуживание и рыбный паштет, от которого у Дерека несколько дней болел живот); он был ярким, почти пестрым, с розовыми и белыми флоксами и гортензиями. А теперь... Садовника уволили? Почему? Подходя по вымощенной гравием дорожке к дому, Лиз ощутила беспокойство, как если б здесь висело объявление: *Осторожно – Запущенный сад – Все не в порядке.*

А потом появилось настоящее объявление. Бескомпромиссное, с черными буквами в прозрачном файле, слегка размытыми дождем, приколотое к дому Гортопс: «Посторонним не звонить, полиция предупреждена». Лиз замерла в нерешительности, и печенье застучало в коробке. Полиция предупреждена? Она огляделась, раздумывая, не вернуться ли в машину, чтобы подождать Тельму. Приблизив палец к звонку, она заготовила слова на случай, если Топси примет ее за постороннюю.

Но дверь перед Лиз, уже сто раз пожалевшей, что она не дождалась Тельму, открыла вовсе не Топси. Едва стихли ля-мажорные звуки курантов (Миланский собор, по всей видимости), внезапно раздался воинственный грохот и крик: «Я же велела вам убираться», дверь с силой распахнулась, и на пороге появилась Келли-Энн с холодным и злым лицом. Заметив Лиз, которая нервно отшатнулась с контейнером в руках, лицо Келли-Энн потеплело.

– Прощу прощения! – Лиз очутилась в крепких объятиях, благоухающих ароматом от «Диор». – Лиз, дорогая, у меня сегодня весь день голова кругом идет.

Лиз втащила за порог, и первым делом она увидела парня, который, лежа на полу в коридоре, сосредоточенно возился с кремовой коробкой, от которой отходило несколько черных проводов, подключенных к телефону. Его смартфон завибрировал, он дернулся, шлепнул по карману и достал телефон.

– Простите, – сказал он, серьезными карими глазами глядя на женщин. – Мне необходимо ответить. Буквально две секунды.

В детстве у Лиз на двери шкафа висел плакат из журнала «Джеки»⁵ – Дэвид Эссекс⁶, растянувшийся во весь рост на пушистом ковре. Его глаза, яркие, беззащитные, пристально смотрели прямо в душу юной Лиз. При виде парня, лежащего на ковре Топси из «Данэлм»⁷ среди клубка проводов, воспоминания о плакате вспыхнули с новой силой.

– Не смеем тебя задерживать, – раздраженно бросила Келли-Энн.

– Простите, – повторил он, но не убрал телефон, а лишь принялся еще лихорадочнее печатать. Смущенная внезапно возникшим напряжением, Лиз отвернулась и сосредоточила внимание на коллекции снимков Келли-Энн в рамке: от белокурой малышки до профессиональной съемки в студии уже взрослой женщины. Вот она в пять лет в роли снежинки в рождественском спектакле («Одинокая малиновка...»), ну и шуму же тогда было: она не получила роль малиновки!; вот семилетняя девочка с беззубой улыбкой (как-то раз она нарисовала блеском для губ Топси пятна на лице, притворяясь больной!); вот решительный подросток обнимает за голову пони Маффина (незадолго до знакомства с ветеринаром из Ричмонда).

– Закончил! – отрывисто выдохнул парень (на вид не старше девятнадцати), тремя слогами выразив сожаление и просьбу о прощении, и тут же снова сосредоточился на телефоне. – Хм, – добавил он, – почему-то нет подключения к сети.

– Интересно, почему. – Келли-Энн приподняла брови, сигнализируя миру: «Ну вот, опять».

– Его просто нужно перезагрузить, – объяснил парень, переводя взгляд карих глаз на коробку с проводами.

⁵ «Джеки» – популярный британский еженедельный журнал для девочек, издававшийся с 1964 по 1993 год.

⁶ Дэвид Эссекс (1947) – английский певец, автор песен и актер. Наибольшей известностью пользовался в 1970-х годах.

⁷ «Данэлм» – одна из крупнейших в Великобритании сетей мебельных магазинов.

– Все, что мне нужно, Льорет, это чтобы он снова блокировал звонки от треклятых мошенников, которые звонят всем подряд. – Келли-Энн сменила гнев на милость; ее голос звучал почти небрежно, пока она стояла над сгорбленной фигурой, уперев руки в бедра и вгоняя розовую шпильку в ковер. Сегодня она была особенно привержена розовому: розовые губы в тон розовой блузке (несомненно, дизайнерской), юбка цвета фуксии. Она что, и волосы подкрасила?

– Когда кто-то позвонит, включится автоответчик. – Парень (как его там: Ларри? Лорри?) был явно заморожен розовым каблуком, ввинчивающимся в ковер возле его головы. – «Если вы друг или член семьи, нажмите “три”, если вы не по делу, звонок окончен». Со звонками из-за границы могут возникнуть проблемы, но остальное работает. Это блокирует все звонки с виртуальных номеров.

И тут его телефон снова зажужжал, будто оса.

– Простите, – повторил парень и вытащил телефон из кармана. – Простите, мне необходимо ответить.

Лиз с тревогой посмотрела на Келли-Энн, опасаясь очередной вспышки гнева, но та не обращала никакого внимания на лихорадочно печатающего парня. Вместо этого невидяще уставилась на ливень за окном. И было что-то в ее взгляде... что-то мрачное... что-то потерянное. Лиз снова вспомнился тот день, когда пони Маффина пришлось усыпить. Летние каникулы подходили к концу, и они с Топси сидели в классной комнате, готовясь к новому учебному году. Топси привела с собой Келли-Энн, и девочка все время просидела в углу возле книжного шкафа с тем же потерянным, пристальным взглядом. Лиз прикусила губу. Келли-Энн, наверное, очень трудно справляться с Топси. Она прекрасно помнила, как это было с матерью Дерека: каждые пять минут то одно, то другое.

– Все, готово. – Парень с извиняющимся видом провел рукой по русым волосам.

– Мне нужно, чтобы он блокировал звонки от треклятых мошенников, которые звонят моей матери, вот и все, – повторила Келли-Энн, но уже без нажима. Лиз с любопытством посмотрела на нее. Треклятые мошенники? Не к добру это. Что тут происходит?

– Следи за языком. – На пороге гостиной возникла Топси в ярко-розовом кардигане, знакомом Лиз по распродаже Единбургской шерстяной фабрики. – А не то я промою вам рот с мылом, юная леди.

Лиз улыбнулась – такая Топси была ей знакома более тридцати лет.

Келли-Энн вздохнула.

– Мы разбираемся с твоим телефоном, мама. Я же говорила тебе. – Ее голос по-прежнему звучал устало. – Нельзя выдергивать этот провод. Не трогай его.

Топси с подозрением посмотрела на белую коробку.

– Еще одна нелепая игрушка, – проворчала она.

Лиз снова улыбнулась. Сколько раз за все эти годы – *не счесть* – она слышала эту фразу от Топси, самой настоящей луддитки!⁸ Интерактивные доски, ноутбуки, проекторы, да даже милая сердцу ныне почившая машина «Банда» с ее фиолетовыми копировальными листами и опьяняющей жидкостью – все они удостоились решительного и бескомпромиссного звания «нелепой игрушки».

Теперь она с тем же подозрением уставилась на парня.

– И этот снова тут, – с кислым видом констатировала Топси.

– Мама, просто не трогай эту коробку, – повторила Келли-Энн. Топси издала фирменное ворчание, но дочь не обратила ни малейшего внимания. – И вообще, смотри, кто к тебе пришел.

Топси впервые посмотрела на Лиз, и на ее лице отразилось недоумение: «Где я, что я собиралась сделать?»

⁸ Луддиты – протестующие против внедрения машин в производственные процессы.

– Ты же помнишь Лиз, – с воодушевлением прошептала Келли-Энн. – Мы на днях встретили ее в садовом центре.

– И Тельму, – поспешно добавила Лиз, воспользовавшись возможностью что-то сказать. – Тельма тоже приедет, если вы не против.

– Как здорово, мама, – произнесла Келли-Энн, – Лиз и Тельма пришли навестить тебя.

При упоминании этих двух имен недоумение на лице Топси рассеялось, и вот перед ними снова была привычная Топси, и смотрела она на Лиз тем самым взглядом, как когда у них заканчивалась красная бумага для постеров.

– Что же, передайте его павлиншеству, я не могу приехать на работу, потому что она не пускает. – «Она» явно относилось к Келли-Энн, которая тут же закатила глаза. «Его павлиншество» было прозвищем, которое Топси дала мистеру Харгривзу, первому директору Лиз в школе Святого Варнавы, – последние лет тринадцать он с миром покоился на кладбище. – Она всего-навсего забрала мои ключи от машины.

– Мы уже обсуждали это, мама. – Судя по тону Келли-Энн, тема была не новой. – Проходите в гостиную, Лиз, я принесу кофе. Уже почти время ланча.

– Ничего подобного, – упрямо заявила Топси. Келли-Энн печально улыбнулась Лиз, словно говоря: «Вот видите, с чем приходится иметь дело».

– Ну вот и все, – произнес парень (Лоррейн? Нет, не так), пропустив мимо ушей весь разговор. Он сел и радостно улыбнулся, и его карие глаза заблестели еще ярче; Лиз снова вспомнился Дэвид Эссекс. Она тут же отругала себя – что за неуместные мысли приходят в голову. С другой стороны, подумала она, следуя за Топси в гостиную, этот визит едва ли можно назвать предсказуемым.

Глава 4, Где подают невкусный кофе и избавляются от ненужных каталогов

Отмахнувшись от воспоминаний о Дэвиде Эссексе, Лиз проследовала за Топси в гостиную, откуда открывался вид на широко раскинувшиеся мокрые поля и болота в отдалении. В продолговатой светлой комнате было чисто, что сразу бросалось в глаза. На розоватом ковре остались следы от пылесоса. Едва уловимый запах полироли с розовой отдушкой тут же вызвал в памяти Лиз образ решительной фигуры в розовых резиновых перчатках – Паула, некогда уборщица в школе Святого Варнавы, а ныне домработница Топси.

Топси стояла у окна, глядя на запущенный сад.

– Он весь зарос, – вздохнула она.

Лиз окинула оценивающим взглядом неопрятные кусты и неподстриженную траву.

– А где садовник?

Топси пожала плечами.

– Гордон сказал, что все сделает. Оно, конечно, похвально, но когда? Он вечно торчит в своем проклятом гольф-клубе. – Она обернулась. – Ты его сегодня не видела?

– Я только приехала, – бодро ответила Лиз. Совсем как это было с матерью Дерека.

– Он наверняка в гольф-клубе, – повторила Топси, опустившись в явно любимое кресло напротив телевизора с плоским экраном.

Лиз последовала ее примеру. Теперь, когда она могла оглядеться в гостиной, плачевное состояние Топси бросалось в глаза. Повсюду остались следы ее беззаботной жизни с Гордоном: раскладывающееся кожаное кресло, гольф-трофеи, аляповатые снимки закатов, фотографии пары с многочисленных круизных кораблей и отельных террас. Теперь поверх накладывалась жизнь Топси-вдовы: россыпь журналов и писем на кофейном столике и диване, вязанье и клубки шерсти на креслах – в былые времена Топси ни за что не потерпела бы подобного хаоса. И в довершение всего по всей комнате, то тут, то там, были расставлены совершенно неподходящие безделушки – фарфоровые лебеди, искусственные цветы в радужных вазах, не менее трех будильников, отсчитывающих время на каминной полке, – словом, множество дешевых и уродливых предметов, которые прежняя Топси, недолго думая, пожертвовала бы на ближайшей школьной ярмарке.

– Время ланча, мама, – внезапно пропела Келли-Энн с притворной бодростью. «Бедная девочка, это же сплошные качели для нее», – подумала Лиз. По всей видимости, все проблемы с телефоном были улажены: на полу в прихожей уже никто не лежал.

Топси резко встала.

– Правда? Не рановато ли?

– Нет, в самый раз, – терпеливо ответила Келли-Энн. Она держала в руках стакан воды и таблетницу – красивую пластиковую коробку с выдвижными отделениями, раскрашенными в цвета радуги. «Отличная идея для скрепок», – подумала Лиз.

Но Топси не удостоила взглядом предложенные таблетки.

– А где другая игрушка?

Улыбнувшись вместо ответа, Келли-Энн потрясла таблетницей.

– Держи. – Она поставила воду на столик из розового дерева и смахнула капли розовым рукавом. Лиз отчаянно захотелось раздобыть подставку под стакан.

– Опять эти? – нахмурившись, Топси протянула руку за коробочкой. – Воскресенье... – произнесла она нерешительно.

– Мама, сегодня понедельник, – нежно, но не допуская возражений заявила Келли-Энн.

– Правда? – Топси с подозрением посмотрела на нее. В ее тоне чувствовался вызов.

– Да, дорогая. – Келли-Энн улыбнулась. – И это очень, очень важно, чтобы ты выпила именно понедельничные таблетки.

– Понедельничные? – В голосе Топси слышалось сомнение, но она осторожно отсчитала таблетки из прозрачного светло-желтого контейнера. – Это для сердца, это для мочевого пузыря, а это, очевидно, потому, что я схожу с ума. – Она громко цокнула.

– Если я не напоминаю, она забывает, – грустно пояснила Келли-Энн, обращаясь к Лиз. – Или принимает двойную дозу.

Топси проглотила последнюю таблетку и с недовольным видом уверенно протянула стакан дочери; Келли-Энн в ответ бросила на мать усталый взгляд.

– Вот и все, дорогая, – сказала она.

Лиз отвернулась, и ее взгляд зацепился за конверты с красной пометкой «срочно» на кофейном столике. «Бесплатный подарок!» – гласил один из них. «Эксклюзивные элегантные каминные часы, ограниченный выпуск – только для вас!»

«Вот откуда берутся все эти безделушки», – нахмурившись, подумала Лиз.

– Мама, – вздохнула Келли-Энн, – я же просила не вскрывать их.

– Там есть хорошие вещи, – начала оправдываться Топси, будто ребенок, пойманный на шалости, и у Лиз внезапно возникло желание взять ее за руку. Келли-Энн, по-видимому, собиралась что-то ответить, но тут послышался ля-мажорный бой Миланского собора. Келли-Энн настороженно замерла.

– Надеюсь, это не тот ремонтник, – сказала она.

– Это, наверное, Тельма, – предположила Лиз, но Келли-Энн уже ушла, забрав с собой конверты.

– Прошу прощения за задержку. – Прежде чем сесть, Тельма отодвинула две кофты, журнал «Хеллоу» и выпуск «Рипонского вестника». – Всею виной новая сигнализация в нашей лавке.

Она уже собиралась продолжить повествование о том, как три амбарных замка годами преданно служили своему делу – да и кому взбретет в голову ограбить магазин подержанных товаров? – однако новое руководство комиссии по делам благотворительных организаций потребовало оборудовать все подобные заведения системой безопасности, но для того, чтобы с ней управляться, нужна докторская степень, не меньше, да и по малейшему поводу она начинает пронзительно визжать. Но стоило Тельме бросить один-единственный взгляд на Топси, как стало ясно, что благодарных слушателей ей здесь не сыскать. Тельма села, поерзала и вытащила из-под себя нечто похожее на бархатную грелку кислотного цвета.

– Ух ты, – удивилась она, – как ярко.

– Это прислали по почте, – сказала Топси, украдкой взглянув на дверь. – Там есть хорошие вещи. – Она вытащила из-под стула еще один конверт, на этот раз сиреневый.

– Дерьмо какое-то, уж простите. – На пороге внезапно возникла Келли-Энн с кофейным подносом в руках.

Ответом ей послужила изумленная тишина. Лиз с силой вцепилась в подлокотники кресла, будто на американских горках. Топси с возмущением уставилась на чашку, а ее нижняя губа подозрительно подрагивала.

– Твой отец подписан на них, – выдавила она в свою защиту.

– Хватит с нас каминных часов, благодарю покорно, – сказала Келли-Энн надломленным голосом, а ее глаза наполнились слезами. Тыльной стороной ладони она провела рукой по лбу и закрыла глаза, размазывая слезы по ресницам. – Прости, – добавила она, – прости, мама. Но я столько раз повторяла одно и то же...

Но Топси только покачала головой. Тема конвертов уже не волновала ее, она, нахмурившись, разглядывала кофейный поднос.

– Это неправильные чашки. – Она указала на коричневую посуду «Хорнси Поттери». – Гостям мы подаем зеленые.

– Это не просто гости, это Лиз и Тельма. – К Келли-Энн вернулось самообладание, но ее голос звучал сухо и устало, когда она выходила из комнаты. Лиз и Тельма устали на кофе; он был цвета луж на дороге.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, которую нарушила синхронная трель трех каминных часов.

– Ну что же, – прервала повисшее молчание Лиз, по-прежнему сжимая подлокотники кресла, – здесь так мило, не правда ли?

– Действительно, – отозвалась Тельма. – Рада вас видеть.

Потягивая безвкусный кофе, они начали задавать вопросы Топси: нейтральные вежливые вопросы о нарциссах, погоде, ковре. Годы совместного проведения родительских собраний научили их подстраиваться друг под друга – вот и на этот раз вести беседу вдвоем оказалось намного проще. Когда Топси не успевала за чьей-то мыслью, вторая тут же подхватывала нить разговора, не допуская неловких пауз. И постепенно, шаг за шагом, Топси начала откликаться – то кивком, то улыбкой, то полноценной фразой. Словно старый компьютер, которому нужно время на загрузку, разговор начал оживать, когда они проникли вглубь этой новой Топси, не имевшей ничего общего с той здравомыслящей Топси, с которой они больше двадцати лет провели бок о бок. Порой ее ответы звучали загадочно, а то и вовсе безумно. Время от времени разговор обрывался, но Лиз и Тельма терпеливо подбирали нить и продолжали.

И конечно же, Топси помнила многое. Когда они перешли к воспоминаниям о кошмарной поездке второклашек в Файли-Бриг (серпантин и отсутствие пакетиков для рвоты), в разговоре все чаще и чаще стали возникать проблески прежней Топси – отрывистые смешки, закатывание глаз. Напряжение почти спало, и, несмотря на дождь, слабое солнце окрасило мокрые поля в серебристый цвет, а над Саттон-Бэнком появилась внезапная дуга водянистой радуги.

И тут – будто солнце, которое внезапно закрыла туча, – прямо посреди фразы Топси, недовольно приоткрыв рот, вдруг закивала головой, касаясь подбородком розового кардигана. Лиз и Тельма переглянулись: пора уходить. Следует ли им попрощаться с Топси?

В комнату неслышно вошла Келли-Энн. Повинуясь сигналу, женщины встали и взяли пальто.

– Лиз и Тельме уже пора, мама, – мягко произнесла Келли-Энн. Ответом ей послужил негромкий хриплый храп.

Лиз улыбнулась хрупкой фигурке в слишком ярком для нее кардигане. Глаза и нос защищено, и ей захотелось обнять ее на прощание, но это была Топси – а на свете существуют вещи, которые лучше не делать.

– До скорой встречи, – попрощалась она.

Глава 5, Где рассказывают истории и снова подают невкусный кофе

Лиз и Тельма намеревались сразу же уйти, но Келли-Энн, казалось, считала само собой разумеющимся, что они последуют за ней на кухню (сверкающая чистота, запах чего-то цитрусового, еще одно доказательство усердной работы Паулы).

– Бедняжке нужно немного поспать. – Келли-Энн, не спрашивая, наполнила их чашки кофе (Тельме вспомнились непрощенные пирожные в садовом центре). – А мы с вами пока наверстаем упущенное.

Обе гости не совсем понимали, что именно в устах Келли-Энн означает «наверстать упущенное», но подозревали, что их ждет некая просьба. Возможно, сделать покупки для Топси или иногда ее навещать. Они не имели ничего против, но после того, как Келли-Энн подбросила им мать в садовом центре, чувствовалось, что на них могут свалить (как выразилась бы Пэт) «работу чернее черного». Тельма нахмурилась, досадуя на себя за такие мысли – не она ли сама молилась, чтобы нашелся способ помочь и Топси, и Келли-Энн? И вот перед ними была заботливая дочь, старающаяся изо всех сил, несмотря на все трудности, так что она, Тельма, сделает все возможное со своей стороны.

Лиз же просто не терпелось уйти. Утро выдалось, мягко говоря, тревожным, и она мечтала вернуться домой, включить пятничную передачу на «Радио Йорк» и заняться глажкой. И, пожалуй, решить sudoku средней сложности в «Рипонском вестнике», чтобы удостовериться, что ее разум все еще работает как надо. Так что гости со смешанными чувствами расположились у кухонной стойки (ох уж эти гранитные столешницы – как хорошо они помнили историю их установки!) и неохотно потягивали свой (по-прежнему безвкусный) кофе. Но оказалось, что Келли-Энн просто хотелось выговориться. Очень хотелось.

Эпизод за эпизодом эта печальная история начала приобретать форму: примерно через шесть месяцев после смерти Гордона Топси начала спрашивать, где он, и даже ездила за ним в гольф-клуб. Совершенно разные люди, понизив голос, рассказывали Келли-Энн все новые и новые истории об ошибках Топси – а те становились все более заметными и серьезными. Потерянные ключи, опоздания, подгоревшая еда, незапертые двери. Келли-Энн, конечно, терпела все это (в конце концов, это же моя мама), однако любовь любовью, но иногда это тот еще геморрой (простите за выражение). В конце концов им удалось проникнуть в лабиринты клиники Хэмблтона (они дважды забывали о приеме), но к тому времени, когда им сообщили диагноз – «состояние, вызванное болезнью Альцгеймера» (что бы это ни значило), – все уже несколько месяцев знали, что что-то пошло не так. К тому моменту состояние Топси было уже неустойчивым – она то и дело бродила где-то, даже после того, как у нее отобрали ключи от машины.

Взять, к примеру, ее таблетки: Лиз не даст соврать – Келли-Энн пришлось стоять у матери над душой, напоминая о них. Да, иногда наступает просветление, но чаще всего... И если Келли-Энн не может быть рядом во время приема лекарств (у меня тоже есть жизнь), ей приходится звонить и объяснять, что надо сделать (пошагово). Конечно, есть еще Паула (святая женщина), но даже вдвоем их сил не хватает.

– Это разбивает мне сердце, честное слово. – Келли-Энн сделала огромный глоток кофе. – Каждый день что-то новое. Что-то еще забывается. Как будто она разваливается на куски у меня на глазах. – Она покачала головой и посмотрела на потолок. Лиз и Тельма подумали, что Келли-Энн и в самом деле требовалось наверстать упущенное.

– А если нанять сиделку? – предложила Лиз, вспоминая медсестер из «Жимолости», которые приходили к матери Дерека до того, как она попала в «Уэбстер-Хаус»: веселые, энергичные дамы в сиреневой униформе.

– Вы знаете, сколько это стоит, Лиз? – Келли-Энн покачала головой. – Это же тысяча, а то и полторы в месяц...

Тельма удивилась. У Топси и Гордона всегда водились деньги. Взять хотя бы гранитные столешницы за двадцать тысяч. Неужели что-то случилось?

– В любом случае уже поздно. – Келли-Энн откусила печенье с белым шоколадом. – Или совсем скоро будет поздно. На прошлой неделе, когда мне удалось забрать ее домой с автобусной остановки в половине одиннадцатого вечера, я подумала про себя: «Хватит».

– Дома престарелых бывают очень даже неплохими, – робко вставила Лиз.

– Более чем, – поддакнула Тельма, хотя сама избегала таких мест с едва ли не суеверным страхом. Келли-Энн с энтузиазмом кивнула, сделав еще один глоток кофе.

– У меня есть стопка брошюр. Целая стопка. Киновечера, свой парикмахер, маникюр, экскурсии. Признаюсь, дамы, я и сама не отказалась бы переехать в такой. – Она улыбнулась, но это была грустная, усталая улыбка. – Знаете, что самое ужасное во всем этом? Мама все понимает. Она чувствует, что что-то не так. И ненавидит это. Недавно она сказала: «Мне не нравится быть такой». А как я уже говорила, своих сил у меня не хватает. – Келли-Энн неподвижно смотрела на коричневую кофейную чашку. Лиз снова вспомнилось, как усыпили пони Маффина.

– Я должна защитить ее. – Голос Келли-Энн надломился. – Мне нужно защитить мою бедную старенькую маму.

И вот тогда-то Келли-Энн и рассказала Лиз и Тельме все о проклятых мошенниках.

С тех пор как Топси, по выражению Келли-Энн, «переехала в мир грез», она стала привлекать к себе все больше нежелательного внимания. Взять хотя бы ремонтника, которого Гордон нанял незадолго до смерти: не успели они оглянуться, как он выставил им счет на сотни фунтов за небольшой ремонт.

Или тех людей из Гейтсхеда, что постоянно звонили и донимали их вопросами о солнечных батареях. Или даже торговца из Райдейла, который почти еженедельно привозил огромные упаковки чая для завтрака и подарочные наборы. Не говоря уже о толпе компаний, высылающих товары по почте и забрасывающих Топси лотерейными предложениями и лавиной пластиковой дребедени (простите за выражение). Здесь гостям продемонстрировали три огромных мешка с конфискованными письмами.

Однако это было не самое худшее. Далеко не самое.

За несколько месяцев до этого Топси позвонил человек с шотландским акцентом, представившийся сотрудником отдела по борьбе с мошенничеством из ее банка, «Роял Йорк». Звонок приняла Паула, и, узнав, что на самом деле говорит не с Топси, мужчина повесил трубку.

Но, по всей видимости, он перезвонил позже. Насколько Келли-Энн смогла выяснить, он сказал что-то о мошенничестве с ее сберегательным счетом, но Топси не должна была никому об этом говорить.

– Что она и сделала! – Келли-Энн внезапно хлопнула по столешнице коричневым кувшином «Хорнси Поттери» с такой силой, что зазвенели ключи от машины Тельмы. – Вот что обиднее всего. Молчала как проклятая рыба.

Насколько Келли-Энн могла судить, он перезванивал по меньшей мере дважды и говорил Топси, что для сохранности денег ей нужно перевести их на новый надежный счет.

Однако, несмотря на упорное молчание Топси, Келли-Энн догадалась, что что-то не так, и сама позвонила в банк. Наконец дозвонившись (после двадцати семи с половиной минут ожидания!) до какого-то человека с жизнерадостным голосом, который не смог, естественно, сообщить подробности, но зарегистрировал звонок и пообещал «разобраться».

Тем временем тот мужчина снова позвонил Топси, теперь уже со сложной серией инструкций.

– Как ей удалось, черт возьми, следовать им – настоящая загадка. – Келли-Энн порылась в сумочке и достала конверт, обещающий миссис Топси Джой из Рейнтона отпуск мечты, на обратной стороне которого было написано некогда уверенным, а теперь дрожащим почерком Топси: *«Перевести платеж в банк “Роял Йорк” по реквизитам... если спросят, сказать, что за покупку недвижимости...»*

– И она сделала это. Она, черт возьми, сделала это. – Голос женщины дрогнул, и Лиз инстинктивно сжала ее пухлую руку, унизанную кольцами, едва яркие слезы брызнули по розовым щекам, намочив платок Тельмы.

– Она пришла в банк – банк, в который она ходила годами, – и они позволили ей это сделать. Все ее сбережения – четыреста семьдесят пять тысяч – почти все, что у нее было. Все ушло.

– Так он был не из банка? – Лиз округлила рот от ужаса.

– Куда ему. Чертов мошенник... простите за выражение.

– И деньги исчезли? – спросила Тельма.

– Полностью, – сказала Келли-Энн с горечью. – Испарились. В мгновение ока. Моя бедная мама. Моя бедная, бедная мама.

Глава 6, Где обсуждают мошенничество и строят напрасные планы

– И что, банк даже ничего не сделал? – сердито проворчала Пэт. Тельма кивнула; она выполнила свое домашнее задание.

– Банк обязан исполнить пожелания клиента, хотя в случае сомнений они должны протестовать.

Это было на следующий четверг. Снова их любимый стол, снова перед ними набор кофейных чашек и блюдце.

– Даже если эти пожелания безумны? – Пэт не могла поверить в такую несправедливость.

– Оказалось, что кассир даже знала ее, – с тоской вставила Лиз. – Она училась в школе Святого Варнавы. Еще до тебя. Лет пятнадцать назад была в нашем классе. Мэнди Пиндер.

– Только теперь она не Пиндер, – добавила Тельма. – Вышла замуж за кого-то с польской фамилией, но не поляка...

– Тихоня, – добавила Лиз. – Но с пристальным взглядом.

– С ума сходила по пони из «Дружба – это чудо», – сказала Тельма.

– И эта Мэнди Пиндер даже не остановила Топси? – снова спросила Пэт. Она никак не могла поверить в это.

– Она никогда не любила брать ответственность на себя, – сказала Тельма.

– Неудивительно, что Келли-Энн расстроилась. – Пэт и сама была расстроена, от потрясения она даже не могла справиться со своим пирогом.

Лиз печально кивнула, вспомнив – мысленно поморщившись и сжав костяшки пальцев – треск разрываемых конвертов.

– Похоже, это случается чаще, чем ты думаешь, – вздохнула она.

Тельма достала из сумочки распечатку с сайта «Йоркшир пост»: «160 миллиардов фунтов стерлингов утеряно из-за банковского мошенничества» – гласил заголовок.

Пэт пробежала глазами статью.

– Поверить не могу, что банки сидят сложа руки, – заявила она.

– Наверное, у них есть «тренинги» на эту тему, – сказала Тельма, складывая распечатку.

Повисла пауза. Не было нужды делать акцент на слове «тренинг»; оно тут же вызвало в памяти различные эпизоды из их практики: остывший кофе, неинтересные презентации, докладчики, чей певучий голос усыплял не хуже лошадиной дозы транквилизаторов.

– Но ведь, – продолжила Пэт, – *несомненно*, если б она поговорила с банком, *объяснила*, что ее мать нездорова. Рассказала бы о болезни Альцгеймера...

Лиз скорбно покачала головой. Келли-Энн уже проходила этот путь. И неоднократно. Она рассказала им в исчерпывающих подробностях о длительной переписке – настойчивой и обвинительной со стороны Келли-Энн, безучастной и незаинтересованной со стороны банка. В конце концов «Роял Йорк» выразил соболезнования семье и их обстоятельствам, но сделать ничего нельзя было; Келли-Энн следовало смириться с тем, что деньги уже не вернуть. Финансовый уполномоченный был должным образом проинформирован, и два месяца спустя он повторил сказанное банком, только гораздо более формальным языком. Но не стоит забывать, что финансовый уполномоченный получает доход от банков, так что – как выразилась Тельма – «ничего удивительного».

На этом дело было закрыто.

– Дело в том, – объяснила Тельма, – что Топси действительно перевела деньги.

– И никто не заметил, что она была не в себе? – Пэт была на взводе, но это не помешало ей съесть кусочек пирога.

– Мэнди Пиндер утверждает, что она пыталась возражать, – сказала Лиз. – И ее ничего не насторожило.

– И как же это она возражала, если ее ничего не насторожило? – проворчала Пэт, невольно откусив еще.

– С другой стороны, она привыкла к тому, что Топси указывает ей, что делать, – задумчиво произнесла Тельма. Все помолчали: у каждой было достаточно ярких воспоминаний о том, как Топси руководила другими; так что Мэнди Пиндер в целом можно было понять.

– В общем, все сводится к тому, что это слово Топси против слова банка, – сказала Лиз, а на ее лице было написано тоскливое «что уж тут поделаешь».

Она поставила чашку на место, и та ободряюще звякнула. Снова шел дождь; женщины слышали приглушенный стук по стальной крыше. С их места открывался вид на выставку, посвященную Дню матери: розовые, голубые и желтые пятна утиных яиц выглядели жалкими и неубедительными на фоне серого неба за запотевшими окнами.

– И что, прямо *все* деньги пропали? – уточнила Пэт. – Все акции Гордона и прочее?

– Очевидно, все было переведено на счет Топси, когда он умер, чтобы облегчить ей жизнь, – сказала Тельма.

Они потягивали кофе и размышляли о семье, у которой всегда было так много: летний домик в Алгарве, уроки вождения Келли-Энн и серия премиальных автомобилей, свадьба с ветеринаром из Ричмонда в Лотертон-Холле⁹. (Разве забудешь струнный квартет, игравший «Мое сердце будет биться дальше»?) Топси вполне могла рассчитывать на безбедную старость, и Келли-Энн тоже, если уж на то пошло. А теперь ничего.

– Конечно, у них остался дом, – произнесла Пэт. – Он, должно быть, стоит прилично.

– Но Топси понадобятся эти деньги. Когда придет время, – ответила Тельма. Все понимали, что за «время» она имеет в виду. Яркие глянцевые брошюры на гранитной столешнице. Жарко натопленные здания с цветными вазами, организованными мероприятиями, протертыми овощами и пластиковыми кувшинами с водой.

Все это быстро поглотит стоимость дома, даже в таком месте, как Рейнтон. В наши дни старость требует столько же инвестиций и начального капитала, как собственный бизнес. Тельма мрачно посмотрела на парковку, пытаясь отогнать от себя тяжелые мысли.

– По крайней мере, продажа дома позволит оплатить уход за Топси, – наконец сказала Лиз.

– Все-все деньги, – задумчиво повторила Пэт.

– Вот почему им пришлось уволить садовника. Они даже не могут позволить себе сиделок, чтобы присматривать за Топси. Только Паулу, – объяснила Лиз.

– В каком-то смысле мы должны быть благодарны. – Лиз и Пэт посмотрели на Тельму. Ее способность находить светлые стороны в тяжелой ситуации была поистине легендарной, но сейчас даже ей пришлось потрудиться. – Я немного читала об этом. И зачастую после успешной аферы план состоит в том, чтобы... ну, зачистить концы. – Она сделала едва заметный, но выразительный жест, проведя чайной ложкой по горлу.

Собеседницы уставились на нее с недоверием.

– Но ведь деньги пропали. – В голосе Лиз слышалась паническая нотка. – Зачем кому-то... ну, вы понимаете? – Не желая произносить это вслух, она указала на чайную ложку Тельмы.

– Деньги да, но не тот, кто их украл, – ответила Тельма.

⁹ Лотертон-Холл – загородный особняк Эдвардианской эпохи в Лидсе, Йоркшир.

– Топси и в самом деле говорила, – медленно произнесла Пэт, – что к ней кто-то приходил. Она повторила это несколько раз.

– Она и в тот раз это упоминала. – Лиз обеспокоенно нахмурилась. – А Келли-Энн сказала, что у них отбою нет от посетителей. Даже торговец чаем из Райдейла.

Тельма могла бы добавить к этому сказанное в туалете. Та фраза преследовала ее наяву каждый день.

Было бы лучше, если б она умерла.

Но Тельма промолчала. Она не говорила об этом никому, кроме Бога, а тот, вероятно, уже и сам все знал. Глядя на своих подруг, она пожалела, что вообще завела этот разговор. Попытка обратиться к светлой стороне вещей обернулась чем-то тревожным и уродливым.

Лиз смотрела на нее широко раскрытыми глазами, что всегда предвещало неприятности. Даже Пэт выглядела встревоженной.

И тут в другом конце зала официантка уронила тарелку и начала громко извиняться перед всеми, а чайник сочувственно просвистел ей в ответ. Мгновение прошло, и Тельма с благодарностью позволила миру кафе вновь утвердиться вокруг нее.

– Ей явно нужна наша поддержка, – только и сказала она.

– Я собираюсь снова навестить Топси, – бодро заявила Лиз. – Может быть, в следующий раз приведу ее сюда.

Отъезжая от садового центра под морозящим дождем, Тельма с некоторым удивлением поняла: несмотря ни на что, ей стало немного легче на душе. Она хотела знать больше. И теперь она знала больше. История об афере более чем объясняла слезы и эмоции Топси. Она даже придала некий сумбурный смысл тем тревожным словам. Как естественно, как очень естественно было бы для Келли-Энн, только узнавшей о случившемся, сказать что-то в таком духе? Но Келли-Энн была, без сомнения, привязана к матери – Тельме с облегчением припомнилось то внезапное объятие. А таинственный «он», который думал, что Топси спит? Это мог быть кто угодно – возможно, помутненному сознанию Топси померещился Гордон.

Поэтому, несмотря на только что состоявшийся тревожный разговор, она не считала, что существует реальная опасность; деньги пропали, но едва ли Топси знала личность мошенника. В тех случаях, о которых она читала, никто не знал. Никого никогда не привлекали к ответственности; очень часто преступников даже не было в стране. Келли-Энн, похоже, бдительно присматривала за матерью, но она и сама может помочь. Верна обучает нового волонтера и вполне может дать ей одно свободное утро, если только эта чертова сигнализация не станет шалить.

Но, как оказалось, все эти планы были напрасными. К следующему понедельнику Топси была мертва.

Глава 7, Где сообщают печальные вести, происходит неожиданный визит и произносятся тревожное откровение

Говорят, хорошие новости распространяются быстро; правда в том, что в таких городах, как Тирск и Рипон, плохие новости распространяются еще быстрее. К тому времени как Келли-Энн позвонила Лиз в понедельник и сбивчиво сообщила ей, что мама скончалась, Лиз уже позвонила ее подруга Джен, Пэт получила сообщение от Нэт из яслей Монтессори в Рейнтоне, а Тельма узнала новость от капеллана из больницы Фраэри.

Кроме того, сама Келли-Энн опубликовала на своей страничке в Фейсбуке¹⁰ фотографию, где она обнимает недовольную Топси: «Моя дорогая мама, моя лучшая подруга, покойся с миром, с любовью, Келли-Энн».

Впечатление от этой новости было несколько подпорчено тем, что, когда Топси умерла, Келли-Энн, очевидно, была в небольшом отпуске в Португалии; сразу под постом о смерти располагались снимки Келли-Энн, сделанные накануне в бассейне невероятного лазурного цвета, где она потягивала коктейль столь же невероятного цвета.

– Это случилось быстро, так они сказали Келли-Энн, – заявила Лиз. Она произнесла эти слова твердо, будто повторяла их уже не раз; впрочем, так оно и было – она постоянно твердила это сама себе. За окнами кафе машины казались призрачными фигурами в морозном тумане; шарфы, перчатки и шапки были убраны в карманы пальто и сумочек. Было нечто очень успокаивающее в том, что в это утро они сидели за своим обычным столиком.

– Раз – и не стало. – Пэт вздохнула, торопливо пытаясь смягчить резкость своих слов. Мысль о скоропостижности жизни успокаивала. Когда она только начала преподавать в Брэдфорде, в то пьянящее время юбок в сборку и бесконечного секса с Родом на мансарде в Маннингеме, школьная медсестра постоянно твердила об «идеальной смерти». «Раз – и не стало», – любила повторять она. В то время Пэт это казалось довольно жутким, но с возрастом, когда она стала старше, насмотрелась на хосписы, больничные палаты и жарко натопленные комнаты для постояльцев, начала видеть в этих словах смысл и даже находить в них утешение.

Тельма промолчала.

– По крайней мере, она была в своем доме, в своем кресле, – произнесла Лиз. То, что Топси нашли в кресле перед плоским экраном, а не распростертой у подножия лестницы или даже, не дай Бог, голой в душе, стало для Лиз источником утешения.

– Келли-Энн сказала почему? – спросила Тельма. Они все знали, что кроется за этим «почему».

– Скорее всего, сердце, – ответила Лиз. Она надеялась, что это правда. В пугающую эпоху слабоумия и бесконечного разнообразия форм рака отказавшее сердце отдавало чем-то безопасным, старомодным – возврат к тем временам, когда пожилые люди слабели, угасали, а потом умирали во сне. Просто умирали во сне. В наши дни так почти никто не делает, но, похоже, Топси именно так и поступила. – Она принимала дигоксин¹¹, как и мать Дерека. Я заметила упаковку, когда она пила таблетки.

– Но Келли-Энн не сказала, что это точно было сердце? – Тельма помешивала кофе.

¹⁰ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

¹¹ Дигоксин – лекарство в составе терапии хронической сердечной недостаточности.

– Она была уже немолода, бедняжка, – заметила Пэт.

– Не уверена, что она была настолько уж старой, – сказала Тельма.

На самом деле никто из них точно не знал, сколько именно было Топси лет. За семьдесят? Они помнили большую поездку в Нью-Йорк с фотографиями Топси и Гордона в Центральном парке – но то могла быть годовщина свадьбы. Сама Топси никогда не любила дни рождения; 26 апреля каждого года она швыряла тарелку с конфетами на стол в учительской с таким видом, что это положительно отбивало всякое желание обсуждать ее возраст.

– Сердце всегда может подвести, – опять вздохнула Пэт. Она посмотрела на свое недо-еденное пирожное. Определенно ей пора перестать столько есть.

Тельма по-прежнему помешивала кофе.

– Но Келли-Энн не сказала, что это определенно было сердце? – повторила она.

– Думаю, они еще точно не знают, – заметила Лиз. – Но если не это, то что тогда?

Тельма не ответила, и вопрос так и повис в воздухе. То, как Тельма крутила ложку в чашке, вдруг напомнило Пэт случай в школе, когда Маргарет, координатор по инклюзивному образованию, беседовала с парнем, который приходил чинить ксерокс. Его звали Дэн, у него были молочно-серые глаза и подвеска в форме бритвенного лезвия. Жена, трое детей, по крайней мере вдвое моложе Маргарет. Пэт заставила себя вернуться мыслями в настоящее, где обсуждалось наиболее вероятное место и время похорон Топси. Скорее всего, в Балдерсби, рядом с Гордоном, но когда?

Уже позже, во время готовки (тальятелле с ветчиной: будничным ужином по рецепту Анджелы Хартнетт¹²), перед ее глазами снова возник образ подруги, тихо помешивающей кофе.

Именно Тельма первой заметила, как ксерокс постоянно и необъяснимо ломался.

* * *

Несколько дней спустя, когда Лиз возилась с натяжной простыней Джейкоба с изображением Бэтмобиля, Келли-Энн позвонила снова.

– Я собиралась тебе позвонить, – сказала Лиз слегка виновато, зажав телефон под подбородком в попытке сложить черно-желтые уголки. И это действительно было так. Каждый день она думала, что ей действительно нужно позвонить Келли-Энн, но всегда подворачивалось другое дело. Отчасти это было связано с тем чувством, которое вызывают люди, недавно понесшие тяжелую утрату: осознание, что одно неверное слово может свергнуть их в эмоциональный хаос и в этом будет отчасти твоя вина. Но было и другое – свежее пронзительное воспоминание о хмурой, слегка похрапывающей женщине в слишком ярком кардигане, – и любая мысль о телефонном звонке оказывалась погребенной под дневными заботами.

Но Келли-Энн только отмахнулась. Ее голос был бодрым, отрывистым и оживленным, когда она рассказывала, как начала разбирать мамини вещи и наткнулась на пару вещиц, связанных со школой, которые у нее не хватало духу выбросить и которым, возможно, Лиз могла бы найти применение. Может, Лиз заглянет как-нибудь?

– Да, конечно, – ответила Лиз. Ей хотелось выразить соболезнования, тактично повторить то, что она говорила Дереку, Тиму и Джойс-соседке-напротив: возможно, все это к лучшему. Но Келли-Энн заговорила снова:

– Лиз, дорогая, просто предупреждаю. – Она сделала паузу, и в этой паузе было нечто такое, что заставило Лиз оставить Бэтмобиль на произвол судьбы и сесть. – В полиции сказали, что они могут позвонить вам. – Теперь ее голос был осторожным и размеренным.

¹² Анджела Мария Хартнетт (1968) – шеф-повар, обладательница звезды Мишлен, ресторатор, телеведущая и автор кулинарных книг.

– *Полиция?* – Лиз с чувством вины припомнила свой визит в Гортопс: что именно могло вызвать интерес полиции? Она неправильно припарковалась?

– Они просто задали несколько вопросов о маминых таблетках.

– О таблетках? – Слова были понятны, а смысл нет.

– Они думают, произошла какая-то путаница. Вы же видели, какая она была рассеянная. – В голосе Келли-Энн было нечто очень настойчивое, почти отчаянное. Чувствовалось, что она на грани слез. – Вы же там были, вы сами *видели*, какая она рассеянная.

– Видела, да, – покорно согласилась Лиз.

– Так вы приедете за коробкой? В ближайшие дни? – Голос Келли-Энн слегка дрожал, и в ее тоне вдруг прорезалось что-то от потерянной маленькой девочки.

– Конечно, приеду, – заверила Лиз.

– А насчет ее таблеток – это просто чепуха, – сказала Келли-Энн.

– Конечно, – ответила Лиз, как она осознала позднее, скорее чтобы успокоить собеседницу, чем потому, что правда в это верила.

Из полиции ей позвонили только несколько дней спустя, и к тому времени этот непростой разговор отошел на задний план: мысли Лиз занимали садовые бордюры, стук в стиральной машине и беспокойство о Джейкобе. (Конечно же, он не поджег выставку «Великий лондонский пожар»?) Это было сырое и серое пятничное утро – десять минут восьмого, и она честно пыталась заняться чтением для книжного клуба. Клуб организовала ее подруга Джен, координатор по развитию грамотности из школы Святого Варнавы; одна из тех подруг, которые периодически врываются в вашу жизнь, рассказывая, что вы должны делать: спать по восемь часов в день, обязательно посмотреть какой-то непонятный сериал на «Нетфликс», сделать некое упражнение для шеи, которое чудесным образом повлияет на осанку.

А еще Лиз обязательно требовалось тренировать и поддерживать свой немолодой ум – sudoku, очевидно, тут не помогали, отсюда и книжный клуб. Какую именно пользу он приносил ее уму, она точно не знала. Лиз не могла сказать, что ей действительно понравилась какая-либо из книг, которые они обсуждали (сплошь истории о различных угнетенных и страдающих людях, которые находят красоту в невзгодах); сейчас они читали «Разломанное печенье» – «ужасающая история, основанная на реальных событиях», действие которой происходило в Карлайле 1970-х годов, – и она не получала ни малейшего удовольствия.

Так что, когда в дверь дважды позвонили, она почувствовала облегчение. Но только на секунду. Что-то в этой двойной трели встревожило ее. Для почтальона было слишком рано, Джойс-соседка-напротив звонила единожды, а если б Дерек снова забыл ключи, то она услышала бы какофонию звонков, панического стука и криков сквозь почтовую щель. Открыв дверь, Лиз увидела двух полицейских – одна была в форме, другая в штатском – и тут же запаниковала, вообразив, что Дерек умер от сердечного приступа, Тим попал в автокатастрофу, а Джейкоб госпитализирован с детской лихорадкой неизвестного происхождения.

– Миссис Ньюсом? – спросила полицейская в штатском. – Детектив Донна Долби, уголовный розыск Северного Йоркшира. Вы были знакомы с миссис Топси Джой? У вас найдется минутка?

Пока детектив Донна проверяла свои записи, а офицер в форме, представившаяся констеблем Триш, пыталась включить планшет, Лиз внимательно рассматривала их. Констебль Триш явно страдала от жуткой простуды (дай бог, чтобы Дерек не заразился; он только-только оправился от последней операции на груди) и была одета в ужасный неоновый жилет. Детектив Донна – светлые волосы, слегка растрепанные, корни не мешало бы подкрасить – была в пальто, блузке и брюках темно-синих, черных и серых оттенков, выглядевших строго.

Они завели разговор о саде. Детектив Донна с восхищением отметила множество растений, которые вот-вот распустятся после зимы, – первыми, как обычно, зацветут желтые крокусы, то тут, то там перемежаемые чемерицей (цикл, любовно, тщательно и скрупулезно

спланированный Лиз). Оказалось, детектив только что купила дом неподалеку от Ричмонда и впервые занялась садом. Лиз (которая знала все о почве в Ричмонде, поскольку у нее там жила кухня) смогла порекомендовать различные растения, кустарники и садовые центры; к тому времени когда они уселись за чашечками кофе (плюс стакан воды для констебля Триш, чтобы растворить противовоспалительное), она чувствовала себя почти расслабленной. Почти. Периодическое рычание и шипение рации, закрепленной на поясе констебля Триш, а также ее ожесточенное сражение с планшетом, куда она записывала все сказанное, не давали Лиз забыть – это не просто светский визит и беседа о кислотности почвы.

Наконец повисла тишина, нарушаемая только шипением растворяющейся таблетки от гриппа.

– А теперь, – сказала детектив Донна уже деловым тоном, – поговорим о миссис Джой. Я полагаю, вы видели, как она принимала лекарство?

* * *

– И они постоянно возвращались к этому, – закончила Лиз. – Любая тема сводилась к тому, что Топси принимала таблетки.

Было позднее утро, приближалось обеденное время. На столике перед ними лежала визитная карточка с эмблемой полиции Северного Йоркшира: детектив Донна Долби. Они сидели не за своим любимым местом. На самом деле им повезло, что им вообще удалось занять столик, учитывая обеденный перерыв и наплыв американских туристов, которые только что посетили музей Джеймса Херриота¹³. Толпа незнакомцев, вид на стойку для подносов (полную грязной посуды), непривычный столик – сочетание этих факторов привело к тому, что Лиз ощущала себя дезориентированной, неуверенной и внезапно очень уставшей. Ее подруги были так добры, что бросили все свои дела (Пэт пропустила акваэробiku, а у Тельмы подошла очередь за кофе в «Нит-энд-Нэттер»), – но теперь, когда обе были здесь, Лиз чувствовала себя уставшей и хотела только одного – вернуться домой и свернуться калачиком на диване. Не с «Разломанным печеньем», а с sudoku, и, возможно, с приятной передачей о ремонте или выпечке на фоне.

– И что ты им сказала? – Тельма помешивала кофе.

– То, что видела. Как она их пересчитала и выпила. Как она перепутала дни. Они все время спрашивали, путала ли она таблетки.

– Так оно и было. – В голосе Пэт звучало легкое нетерпение; она не понимала, в чем тут драма, и считала, что все это можно засунуть в ящик с ярлыком «Лиз слишком остро реагирует». Она откусила от булочки и поняла, что та ей не нравится.

Лиз нахмурилась от отчаяния.

– Только я этого не заметила. Она путала дни, а не таблетки. Есть разница.

– Какая? – спросила Пэт.

– Предположим, это были одни и те же таблетки, в какой бы день она ни принимала, – ответила Тельма.

– И скорее всего, она их перепутала, – сказала Пэт. – Мы все видели, какая она была. – Она уже пожалела, что начала есть эту булочку, но не могла найти в себе силы остановиться. Привкус малинового джема вызывал привыкание.

Лиз нахмурилась, пытаясь собрать воедино разрозненные неприятные мысли, какое-то предчувствие неуловимо скользило холодной змеей в ее сознании. Группа ярко одетых матрон

¹³ Джеймс Херриот (1916–1995) – настоящее имя Джеймс Альфред Уайт. Английский летчик, ветеринар и автор книг о животных и людях.

из Нью-Йорка была не в восторге от вида на столбы и скотный двор. «Не так я представляла себе Йоркшир», – все время повторяла одна из них.

– Понимаете, я пыталась рассказать им обо всем остальном, – нахмурилась Лиз, вспоминая визит. – О людях с солнечными батареями... о банковском мошенничестве. Но я видела, что им это неинтересно.

– В чем это выразалось? – поинтересовалась Пэт.

– Сад. Каждый раз, когда я говорила о чем-то другом, детектив Донна смотрела в окно на сад. Но как только разговор возвращался к этим окаянными таблеткам, она была вся во внимании.

– Значит, они считают, что таблетки очень важны, – заключила Тельма.

– Конечно, важны, если это была передозировка, – откликнулась Пэт.

– В этом-то все и дело. – Что-то в резком тоне Лиз заставило трех американских матрон с любопытством оглянуться на их столик. – Вот что не давало мне покоя.

– Продолжай, – поторопила ее Тельма.

– Я чувствовала... – Нахмурившись, она сделала паузу, глядя на металлический абажур, похожий на старое ведро. Подруги терпеливо ждали, вспоминая, как когда-то они сидели на планерках за одним из маленьких столов в классе Тельмы. Порой Лиз трудно было сформулировать свои аргументы, но когда она в конце концов их высказывала, они всегда оказывались весомыми.

– Я чувствовала, что они хотели, чтобы я сказала что-то конкретное, что-то, что им было нужно. Когда они спрашивали о Топси, о том, как она путала дни и прошлое с настоящим, у меня возникло ощущение, что легче всего было бы сказать «да». Она легко могла все перепутать и принять слишком много таблеток.

– Да, и что в этом такого? – Пэт отодвинула свою тарелку. Фруктовая булочка осела камнем в желудке; с каждым кусочком она все больше и больше сожалела о пропущенном занятии по акваэробике.

– Топси всегда была такой осторожной. Помнишь пленки для ламинирования? – Такое было трудно забыть. Топси держала их в шкафу и всегда знала точное количество. Горе тому, кто брал их без спроса. – Просто это не похоже на нее – разом выпить все таблетки, пусть даже у нее в голове все смешалось. Она может путать *дни*, но не таблетки.

– А если она забыла, что уже приняла их, и выпила еще две или три дозы? – У Пэт воспоминания о пленках для ламинирования умиления не вызывали.

– Было нечто особое в том, как она открывала таблетницу. – Лиз прикрыла глаза, воспроизводя в памяти эту сцену. – Она их пересчитывала. Как будто хотела убедиться, что все правильно. – Мысленно она слышала этот ворчливый голос: «Это для сердца, это для мочевого пузыря, а это, очевидно, потому, что я схожу с ума».

– В голове не укладывается. – Она со вздохом покачала головой.

И на этом ее монолог закончился. Американские матроны решительно покидали разгромленные столы с остатками картошки и панини, с нетерпением предвкушая «*подлинный Йоркшир*» (аббатство Фаунтейнс и ферма Эммердейл). Внезапно все вокруг стало каким-то грустным и усталым. Несмотря на все усилия Лиз, она чувствовала – что-то важное осталось недосказанным. Она просто не знала, что именно.

– Все это в голове не укладывается, – повторила она, снимая пальто со спинки стула.

– Несомненно, полиция разберется с этим, – нетерпеливо сказала Пэт, потянувшись за ключами от машины. Если она уедет в ближайшие пять минут, то сможет немного наверстать свое нарушенное расписание.

Тельма посмотрела на подруг: теперь или никогда. И хотя это был, несомненно, самый подходящий момент, все же она колебалась, зная, что ее слова расстроят, встревожат и собьют их с толку.

– Вообще-то... – начала она.

И было в ее тоне нечто такое, что подруги немедленно замерли и сели обратно.

– Вообще-то Топси сказала мне, что думает, будто кто-то хочет ее убить.

Глава 8, Где беспокоят мысли о любви, а в банке «Роял Йорк» случается стычка

Ей пришлось повторить сказанное пять раз, но подруги все равно с трудом верили в услышанное.

– Она точно именно так сказала, ты *уверена*? – Лиз с каждым разом выглядела все более расстроенной.

– Возможно, это просто бред, упокой Господь ее душу, – повторяла Пэт, но звучало это так, будто она пыталась убедить себя, а не подруг.

– Ты рассказала Келли-Энн? – спросила Лиз.

– Я рассказала только вам двоим, – ответила Тельма.

– Значит, ты не сказала полиции? – уточнила Пэт.

– Нет, – Тельме очень, очень хотелось сказать, что да, это мог быть просто бред.

Но она не могла.

– Возможно, Топси услышала Келли-Энн, – предположила Пэт. – Ну то есть та явно расстроилась, когда узнала о мошенничестве. Еще бы. А когда ты расстроен, то можешь наговорить ерунды.

– Вот только Топси сказала «он». – Тельма помешивала кофе. – Совершенно точно. «*Он* думал, что я сплю». А значит, это была не Келли-Энн.

– Ты не думаешь, что стоит сообщить об этом в полицию? – спросила Лиз.

– Это едва ли им поможет, – отозвалась Тельма. – Слова помешавшейся старушки. – Она не хотела, чтобы это прозвучало так резко.

– Помешавшейся старушки, которая только что умерла. – В голосе Лиз слышалось возмущение.

– Ты же сама пыталась объяснить им, – мягко заметила Тельма.

– Но не то, что кто-то хотел ее смерти! – Лиз расстроено вцепилась ногтями в сумочку. Что она скажет, когда поедет в Рейнтон к Келли-Энн?

– Я лишь говорю, что этого им недостаточно, – сказала Тельма.

– А помните взлом у Рода? – спросила Пэт. Это трудно было забыть: однажды со склада Рода похитили оборудование на несколько тысяч фунтов. Были и свидетели, и записи камер видеонаблюдения, и даже часть номерного знака, но в силу стечения обстоятельств и недостатка сотрудников преступление сочли нераскрытым и занесли в архив, куда отправляются все загадочные дела.

По негласной договоренности подруги встали и надели пальто. Что-то холодное вошло в их мир, что-то холодное и чужое. Тельма знала это так же точно, как если б учуяла это.

Зло.

* * *

– Она была растеряна и сбита с толку. – Отъезжая от садового центра, Пэт поняла, что повторяет про себя эти слова снова и снова, будто мантру. Топси убили? Разумеется – *разумеется*, Лиз просто слишком бурно отреагировала, а Тельма сложила два и два и получила пять.

Пэт нетерпеливо покачала головой, притормаживая на повороте. Она пропустила уже четыре занятия по акваэробике подряд и теперь не могла вспомнить, когда в последний раз

была в бассейне. Новый спортивный топ цвета шалфея, который хорошо сидел на ней перед Рождеством, стал теперь слишком тесен.

Втянув живот, Пэт подумала о фруктовой булочке. Зачем, зачем она продолжала есть ее? К тому же у нее на уме было кое-кто более важный. Ее сын Лиам.

Или, точнее, ее влюбленный сын Лиам. Ведь он определенно был влюблен. Она была уверена в этом по трем причинам.

1) Его одежда. Обычно в свободное от школы время он носил одну из трех или четырех футболок с какой-нибудь остроумной цитатой (Это не сарказм, это аллергия на твою глупость). Однако в последние дни им на смену резко пришли рубашки поло более мягких оттенков синего и фиолетового – и без надписей. Кроме того, Лиам постирал свои джинсы. Постирал *сам*, а не бросил их комком, будто свернувшуюся ядовитую змею, на полу спальни.

2) Пение в ванной. Обычно, пока Лиам счищал пушок с подбородка и щек, он напевал что-то едва различимое о бунтарстве, непонимании и борьбе. На смену этим песням (как и одежде) пришло нечто более мелодичное; сегодня утром Пэт совершенно точно уловила отрывок из «Аббы».

3) Его манера поведения с ней и Родом. Это было самое важное. Обычно сын вел себя с ними вежливо, но едва ли почтительно, с большой долей сарказма; так, мать он называл «дитя Найджелы¹⁴» (или «ма-а-а-ам», когда требовалась еда, чистая одежда или осмотр болячки). Род проходил под прозвищем «бизнесмен из Тирска» (сокращенно БИТ). Вместе они были известны как «родаки». Но теперь? Вчера Лиам подошел к ней сзади во время готовки, положил подбородок ей на голову, когда она тушила курицу в эстрагоне, и сказал: «Пахнет потрясающе».

Все это отчетливо напомнило ей о том времени, когда она встретила Рода. Пение – было; одежда – было (та рубашка в сеточку!). Добавим к этому то, что Индия, кельтская поэтесса (мама, не поэтесса, а рэпер!), все чаще всплывала в разговорах, а значит, Лиам совершенно точно был влюблен... и это здорово, но...

Но.

Почему-то с младшим сыном все казалось более важным, чем с двумя старшими. Пэт точно не понимала, почему – просто ему все давалось гораздо тяжелее... Пока Эндрю и Джастин без особых проблем переживали детские болезни, экзамены, прыщи и подружек, с Лиамом все всегда было сложнее. Ветрянка закончилась госпитализацией, в период экзаменов он то и дело страдал лунатизмом, а подружек, по крайней мере серьезных, у него не было. А теперь? Конечно, это здорово, что он влюбился.

Но. Осенью его ждет Дарем – а попасть туда на строительный факультет ой как непросто. Пэт прекрасно помнила, как встретила Рода – к счастью, уже на последнем курсе колледжа, но даже педагогическая практика тогда пошла под откос, ведь казалось, что ничто не имеет такого значения, как он и его родстер «Эм-Джи Миджет». Познакомься они чуть раньше или даже еще до колледжа, она бы точно с радостью наплевала на учебу. А Лиам? Один из ее ночных кошмаров включал некий трейлерный парк на окраине Бороубриджа. Лиама, некую даму – кельтская поэтесса-рэпер? – и младенца. Кельтская поэтесса, похоже, не собиралась поступать в университет. Она явно была слишком занята, «разбираясь в себе» (что бы это ни значило), что подразумевало переезд в Манчестер. Или в Ноттингем. Куда-то, где есть чем заняться. (Подразумевалось, что Дарем таким местом не является. А если им окажется трейлерный парк в Бороубридже?)

И все же *наверняка* она не знала. Как любила повторять Тельма, нужны факты. Именно поэтому ей нужно срочно вернуться домой. Есть ли в комнате Лиама презервативы... может, стоит купить упаковку? План на день был таким: акваэробика, банк в Рипоне – обналичить

¹⁴ Отсылка к Найдзеле Лоусон, британской телеведущей, автору популярных кулинарных книг.

чеки, фермерский магазин – купить ингредиенты для ужина, осмотр комнаты Лиама. Но вся эта чепуха с Топси поставила крест на всем.

Подумать только – убийство! Она просто была растеряна и сбита с толку! Пэт снова встряхнула головой, пытаясь избавиться от назойливых мыслей. По правде говоря, «растеряна и сбита с толку» были последними определениями, которыми она бы описала свою бывшую коллегу. Но, мрачно напомнила себе Пэт, выезжая на Йорк-роуд, Топси ведь была *больна*. К тому же у нее, Пэт, полно своих забот. Остановившись на перекрестке с Саттон-роуд, она мысленно пробежалась по списку дел. Что-то придется вычеркнуть, но было жизненно важно, чтобы сегодня вечером, когда Род спросит: «Ты успела в банк?», она смогла ответить: «Конечно». Пэт прикинула типичный трафик, вероятную очередь и наличие мест для парковки – и скорость ее расчетов, способная поразить любого проектного менеджера из корпоративной среды, была в порядке вещей для обычной учительницы начальной школы, которой нужно вести домашнее хозяйство.

В фермерский магазин она уже не успеет, это точно. Но если выберет банк здесь, в Тирске, а в не Рипоне, то может заглянуть в новый «Олди». Там наверняка найдутся ингредиенты для одного из ее любимых блюд; все остальное можно докупить в «Теско Экспресс», и у нее останется достаточно времени, чтобы осмотреть комнату Лиама. В конце концов, зачем ей банк в Рипоне? Банк есть банк. Просто именно в Рипоне много лет назад мистер Райли дал им первый кредит, и у нее вошло в привычку обналичивать чеки именно там. А что касается аквааэробики – она незаметно одернула новый топ цвета шалфея, всегда можно запрыгнуть на велотренажер Рода и навестить упущенное под «Дома под молоток». (Передачу она и так посмотрит, но вот насчет упражнений так уверена не была.)

Так Пэт и оказалась свидетельницей случившегося в банке.

* * *

Очередь в «Роял Йорк» оказалась длиннее, чем ожидала Пэт; более того, казалось, что та вообще не движется. За двумя стойками – точнее, не за стойками, а за этими дурацкими письменными столами, которые ставят в наши дни, – проводили какие-то сложные операции, а за третьей удивительно загорелая девушка разговаривала по телефону. Женщина в очереди прямо перед Пэт излучала нетерпение, которое читалось бы по прямым лопаткам, отчетливо вырисовывавшимся под плащом, даже если б она не вздыхала и не притопывала в ожидании. *Дама-на-Задании* – как окрестила ее Пэт, опасаясь заразиться ее нетерпением, – сильно сжимала ремень сумки.

Очередь по-прежнему не двигалась. У двух стоек шли переговоры, столь же увлеченные и затянутые, как шахматный поединок гроссмейстеров. За одной из них сидела довольно веселая темнокожая девушка, которая сопровождала каждое новое действие взрывами смеха. Девушка за третьим столом все еще разговаривала по телефону. Теперь, когда Пэт присмотрелась как следует, стало понятно – происходит что-то не то. Глаза девушки, подведенные серебряристо-голубыми тенями, нервно бегали по сторонам, и она быстро, отрывисто говорила что-то, прикрыв рот рукой. Похоже, возникли какие-то разногласия; в какой-то момент девушка яростно замотала головой, словно отрицая услышанное.

– Она не имеет права на личные звонки в рабочее время, – произнес мужчина сзади, словно подслушав мысли Пэт. Она раздраженно посмотрела на часы: одиннадцатый час. Если дела не сдвинутся с мертвой точки, придется отказаться от «Олди» и все закончится размороженной бараниной.

– Ну давай же! – В голосе Дамы-на-Задании отчетливо слышался напор. Пытаясь сохранить спокойствие, Пэт сосредоточила свое внимание на различных плакатах, висевших в помещении. Изящные сиреневые слова предлагали «жить своей жизнью» и позволить банку «Роял

Йорк» «позаботиться об остальном». «Своя жизнь» в представлении банка «Роял Йорк» означала элегантно одетых людей в свитерах пастельных оттенков, которые гуляют по белым пляжам, поднимают фужеры с шампанским и шагают по беговым дорожкам со сверкающими улыбками. Вид стройной седовласой женщины в розовом спортивном купальнике заставил Пэт вздрогнуть; первое, что она сделает, вернувшись домой, – уберет рубашки Рода, висящие на велотренажере. Она втянула живот, но шалфейный топ продолжал неприятно давить.

Чтобы отвлечься от досадных мыслей, Пэт обратила внимание на несколько рукописных плакатов, которые нарушали общий вид. «Спасите наш филиал», – гласил один из них. «Скажите “нет” закрытию отделений», – призывал другой. Разумеется, Пэт читала в «Рипонском вестнике» о том, как отделения – в Тирске, Бороубридже, Рипоне – теряют клиентов из-за онлайн-операций. И Пэт (которая уже добрых десять минут изнывала в очереди) могла понять почему, но любые мысли об онлайн-операциях вызывали у нее неприятие. Ведь сколько вокруг новостей о мошенничестве и махинациях. С другой стороны, как показал пример Топси, банковские отделения – отнюдь не панацея.

Топси.

Воспоминание о разговоре в садовом центре ударило под дых. (Она была растеряна и сбита с толку!). Подождите-ка... Пэт огляделась, и ее осенило. Разве это не то самое отделение, где Топси совершила роковую сделку? Она бы не удивилась, если б заметила подозрительных типов с мобильными телефонами, выглядывающих новых жертв.

– Прошу прощения? – Громкий голос прервал мысли Пэт (и судя по тому, как все головы повернулись в сторону стойки, не только Пэт). Это была Дама-на-Задании: ее голос был сильнее, глубже, а йоркширский акцент ярче, чем Пэт могла бы предположить по кардигану и сумочке «Кэт Кидстон»¹⁵. Ее обслуживала Серебристые Глаза, закончившая говорить по телефону. – Вынуждена сообщить, что нахожу вашу манеру поведения крайне оскорбительной.

Что такого ей сказала Серебристые Глаза? Она уставилась на даму, и ее бронзовое лицо слегка покраснело – не самый выигрышный контраст для такого макияжа.

– Мне очень жаль. – Девушка всегда говорит таким скучающим тоном? Прискорбно, если так оно и есть. – Я не хотела быть грубой.

– Вообще-то вы продолжаете грубить. Это возмутительно. Сколько можно трепаться по телефону!

На помощь коллеге подоспела хохотушка с соседней стойки (*Джо Тайлер – Рада помочи!* – если верить бейджику). Пэт не могла расслышать разговор, но тон был безошибочно елейным. Дама-на-Задании, однако, не спешила зарывать топор войны.

– Я требую встречи с управляющим. – Костяшки пальцев блестели на ремешке сумки.

– Удачи ей. – Пэт повернулась и заметила серебристые волосы, завязанные в хвост, и большой живот, выпирающий из-под толстовки. – Он один на все отделения. Наверняка сейчас где-то в Рипоне, Норталлертоне или еще бог весть где.

Нет управляющего? Банк вдруг показался Пэт гораздо менее надежным. Как классная комната без учителя. Неудивительно, что здесь происходили преступления! Она вспомнила, как мистер Райли выдал им первый кредит на открытие бизнеса и они с Родом, будто школьники, на цыпочках прокрались в его кабинет. Бордовая счетная книга на столе, а на стене картина маслом – маргаритки в кувшине. Жена мистера Райли занимала видное место в Рипонском художественном обществе. Уж он бы разобрался с этой взвинченной женщиной. И точно не допустил бы, чтобы кассир разговаривала по телефону, и уж точно не позволил бы Топси отдать все деньги какому-то мошеннику.

– Вопиющая некомпетентность. – С этими словами Дама-на-Задании покинула отделение. Вопиющая некомпетентность. Пэт не понравилась эти слова. Но тут она почувствовала

¹⁵ «Кэт Кидстон» – сеть магазинов розничной торговли, продвигающих товары в традиционном британском стиле.

жалость к кассирше, чье лицо окрасилось в пунцовый, а теперь к этому добавились слезы, что только ухудшило ее макияж. Девушку обнимала веселая напарница.

– Не бери в голову, Мэнди, – услышала Пэт. – Сегодня вечером нас ждет зумба, а потом мы пропустим по бокальчику в «Ордене Пино».

Джо-Рада-помочь Тайлер вернулась за свою стойку, но перед этим бросила на Серебряные Глаза быстрый внимательный взгляд... какое бы слово подобрать? ... Испытующий, вот.

Тут она послала Пэт открытую, ободряющую улыбку, подзывая к себе, и та подумала, что это ей привиделось.

Подходя к столу, Пэт обратила внимание на соседнюю табличку: «Мэнди Шафранска, Рада Помочь». Мэнди Шафранска. В голове отчетливо прозвучал голос Тельмы, словно та стояла рядом: *«Только теперь она не Пиндер. Вышла замуж за кого-то с польской фамилией, но не поляка»*.

Так вот она, соучастница обмана Топси. Вопиющая некомпетентность. Эти слова отдавались эхом в голове Пэт. С кем же разговаривала Мэнди-ранее-Пиндер в рабочее время?

– Мне очень жаль, что вам пришлось ждать, мэм. – Джо-Рада-помочь тепло улыбнулась. – Чем могу помочь?

Пэт передала ей чеки, ощущая беспокойство. Она никак не могла отделаться от чувства, что ее деньги, – деньги, которые должны были помочь Лиаму в Дареме и не только, – были в опасности в руках этих людей.

Не давая себе времени на раздумья, Пэт заговорила.

– Я случайно подслушала, – начала она. На лицо Джо набежала тень, а улыбка померкла. – Зумба. – Пэт неосознанно одернула шалфейный топ. – Как раз искала хороший класс.

Глава 9, Где ожидания снова расходятся с реальностью, обсуждают таблетки и размышляют о несостыковках

Слова Тельмы не покидали мысли Лиз всю вторую половину дня, прохладно струясь на заднем фоне посреди задач и разных встреч (осилить новую главу «Разломанного печенья», проредить многолетники, заверить невестку Леони, что спецклассы предназначены только для детей постарше). Однако, когда день подошел к концу и она лежала в постели, эти слова с тревожной силой захватили ее полностью.

Топси сказала, что кто-то хочет ее убить.

В темноте послышался тревожный стук дождя по окнам, созвучный шквалу и вихрю ее мыслей, которые роились вокруг одного и того же: лекарства, Топси, принимающая лекарства, таблетница цвета радуги. Когда Лиз все-таки заснула, то все равно периодически просыпалась от панических снов о потерянных ключах и пропущенных поездах, возвращаясь мыслями к одному и тому же: Топси говорит, что кто-то хочет ее убить.

На следующий день, проезжая мимо плоских серых полей по дороге в Рейнтон, Лиз размышляла, что же ей сказать Келли-Энн. Она надеялась, тема сбора вещей Топси забудется, но Келли-Энн позвонила ей снова. Лиз очень, *очень* хотелось найти какой-нибудь предлог и отказаться от поездки (даже сейчас она испытывала искушение остановить машину и сделать разворот на сто восемьдесят градусов по залитой лужами дороге), но Келли-Энн была так настойчива... и кроме настойчивости в ее голосе слышалось что-то еще... Страх? Но маленькая и упрямая часть сознания Лиз – рот плотно сжат, костяшки пальцев, вцепившихся в руль, побелели – заставляла ее ехать дальше.

В ее сознании теплилась надежда – смутная, но тем не менее сильная, что, когда она увидит Келли-Энн, эти ужасные тревоги каким-то образом улягутся. Как именно, Лиз не знала, но ей представлялось, как она сядет за гранитную столешницу на кухне в Гортопсе, выпьет безвкусный кофе, а Келли-Энн скажет или сделает что-то, что вызовет мысль «Ну конечно» – и тогда Лиз отправится домой, чувствуя облегчение на душе и в мыслях, с достаточной энергией, чтобы осилить еще несколько глав «Разломанного печенья».

Однако, как и в предыдущий раз, реальность сильно отличалась от ее прогнозов.

Первое отклонение от желаемого случилось, когда она остановилась возле Гортопса и на несколько секунд испытала сильное чувство дежавю. Перед домом снова был припаркован выцветший черный фургон. Только на этот раз перед ним стоял мужчина, неуверенно осматривающий дом, словно набирался смелости, чтобы войти. Он явно имел отношение к фургону. У него был такой же потухший, выцветший вид – стеганая куртка, рубашка поло, застиранные джинсы, а в руках что-то похожее на старомодный ежедневник с объемной обложкой. Вокруг глаз собрались морщинки, придававшие ему извиняющийся вид.

Кажется, в прошлый визит Келли-Энн упоминала что-то о ремонтнике, которому должны были много денег за какую-то работу, заказанную Гордоном? Келли-Энн была не слишком довольна. Лиз помнила, с каким холодным выражением лица та открыла дверь. Неужели это тот самый мужчина? Лиз так и подмывало уехать, но она мысленно встряхнулась и приказала себе собраться. Она вышла из машины и достала контейнер с выпечкой (номер два из того, что она умела более-менее сносно печь: бисквит королевы Виктории. Только без глазури – вместо этого она слегка посыпала его сахарной пудрой, более уместной в период траура).

Мужчина обернулся, когда Лиз подошла к нему. Его лицо казалось знакомым. Она не могла сказать, кого он ей напоминал, но это совершенно точно были плохие воспоминания.

– Вам сюда? – спросил он гнусавым, проникновенным голосом.

– Да, – ответила Лиз. Кого же он напомнил? Друга Тима?

Мужчина с беспокойством оглянулся на фасад Гортопса, словно это была сложная головоломка, которую нужно разгадать.

– Я знаю, что леди умерла, но она задолжала мне денег.

Лиз нахмурилась. Что на это ответить? Не хочет же он получить эту сумму с нее?

– Я могу чем-то помочь? – Голос, нарушивший тревожные мысли Лиз, был дружелюбным, но, несмотря на это, в нем чувствовался такой напор, что оба слегка вздрогнули. Его обладательницей оказалась невысокая женщина с покатыми плечами. Небольшой прикус придавал ей слегка крысиный вид, а копна мелко завитых мышинных волос только усугубляла впечатление. Темно-синий костюм слегка лоснился и обтягивал фигуру в неподходящих местах, но при этом сидел мешковато, придавая женщине неряшливый вид. Как сказала бы Пэт, он ей «не льстил». – Несс Харпер, агентство недвижимости «Зеленая трава», – представилась она.

– Они должны мне денег, – сказал мужчина, сжимая записную книжку. – Я делал кое-какую работу некоторое время назад, и мне задолжали.

В улыбке женщины смешались сожаление, сталь и «иди-ка ты отсюда подобру-поздорову».

– Сожалею, но миссис Джой скончалась на прошлой неделе, – бодро произнесла она.

– Да, это грустно, и все такое, – оборонительным тоном заявил мужчина; в его голосе слышались жалостливые нотки, как будто его обманули. – Но мои деньги-то где?

Улыбка женщины осталась непоколебимой.

– Если вы выставите счет, вам заплатят после перехода наследства, – заявила она.

Лицо мужчины из извиняющегося стало мрачным и перекошенным. Чувствуя внезапное напряжение, Лиз сделала шаг назад.

– Мне причитаются эти деньги, – тихо произнес он.

– Значит, вы получите их, когда будет решен вопрос с наследством. Не хотите оставить свой номер?

Мужчина сердито уставился на нее. Кого же он так напоминал Лиз? Кого-то с работы Дерека? Затем он резко поник, словно признавая поражение, и вернулся к фургону, качая головой и бормоча, что это так не оставит.

– Ну а вы, дорогуша? – произнесла женщина полувопросительным тоном. Она повернулась к Лиз все с той же улыбкой: – Вы, должно быть, Лиз?

Лиз с облегчением посмотрела на нее в ответ; в этот момент ей бы очень не хотелось оказаться не-Лиз. Она путанно объяснила, что пришла поведать Келли-Энн, и в качестве оправдания помахала бисквитом.

– Ох! – воскликнула женщина. – Держите его подальше от меня! – Она разразилась звонким смехом и подняла унизанную кольцами руку. – На прошлой неделе я сбросила два фунта. Заходите, вас ждут.

Следуя за ней через входную дверь, Лиз во второй раз за утро испытала дежавю. В прихожей снова кто-то лежал на полу, разбирая – или пытаясь разобрать – мебель. Она с удивлением поняла, что это тот же самый юноша – как его там звали? – который в прошлый раз чинил телефон. Кто же он такой? Она присмотрелась получше: у него были такие же русые волосы, как у агента по продаже недвижимости, с которой она только что познакомилась. Он сын Несс Харпер? Что он здесь делает?

– Мы с вами уже встречались, – сказала Лиз. – Боюсь, я не помню ваше имя. – Не совсем правда, ведь она не расслышала его в первый раз.

– Льорет, – произнес парень. Он посмотрел на нее и быстро отвел взгляд. И было в этом взгляде что-то тревожное.

– Какое необычное имя, – вежливо заметила Лиз.

– Произносится как «льет» в начале, – объяснила Несс. – Это местечко в Испании. – И с притворной скромностью добавила: – Там был зачат один человек!

Льорет покраснел (как и Лиз) и сосредоточился на мебели. Раздался громкий треск, и две половинки разъединились, засыпая все вокруг ворохом стружки.

– Молодец, ты смог это сделать, – произнесла Несс тоном, который мог бы показаться игривым, если б не заметная невооруженным глазом разница в возрасте.

– Это дело техники. – Парень грустно посмотрел на кучу щепок. Какие же все-таки у него выразительные карие глаза! Лиз снова вспомнился Дэвид Эссекс на пушистом ковре, а когда Льорет наклонился, она уловила свежий хвойный аромат его геля для душа.

– Боже, дай мне сил, – со смехом сказала Несс. А потом, к удивлению Лиз, подошла и крепко обняла Льорета. – Что мне с тобой делать, дорогой? – Лиз одновременно была смущена и завидовала ей, вдыхая сосновый гель для душа. Видимо, это мать и сын. Но к чему этот неуместный комментарий о том, где он был зачат? Она покачала головой. Трое разных людей за несколько минут – и ни следа Келли-Энн. Все сомнения Лиз, которые она столь успешно подавляла, теперь выстроились в ряд, оперев руки в боки, словно говоря: «Ну и что теперь?»

– Проходите же. – Несс отпустила парня и направилась на кухню, двигаясь с уверенностью, от которой у Лиз закрипели зубы. Она явно знала Гортопс как свои пять пальцев. По пути Лиз обратила внимание, что Келли-Энн явно сделала больше, чем «начала слегка разбирать вещи». Коридоры и гостиная были загромождены тяжелыми мешками для мусора, на каждом из которых красовалась аккуратная этикетка: «одежда», «верхняя одежда», «полотенца», «постельное белье», «оставить».

Келли-Энн обнаружилась на кухне: энергичная и деловая в розовом спортивном костюме, она разбирала шкафчик с посудой «Хорнси Поттери», когда они вошли.

– Наш друг-ремонтник вернулся, – объявила Несс. Келли-Энн сердито вздохнула и возвела взгляд к потолку.

– Не переживай. – Несс победно вскинула кулак. – Ему не по зубам Несс Харпер из «Зеленой травы»! Вот же проныра. – Снова неприятный смешок.

– Этот мир полон скотов, – заметила Келли-Энн, выходя из-за столешницы. – Добрый день, дорогая, – сказала она и заключила Лиз в долгое грустное объятие, прежде чем вручить ей синюю коробку из «Икеи» с надписью «Мамины вещи из школы».

Внутри оказался набор предметов, случайных и бессистемных для стороннего наблюдателя, но для Лиз они были столь значимыми, как если б сама Топси положила их туда пять минут назад. Там были и фестонные ножницы Топси, бескомпромиссно помеченные перманентным маркером как «Собственность миссис Джой» (Топси вырезала розовые и желтые прямоугольники для открыток ко Дню матери), серебристый свисток на нейлоновом шнурке изумрудного цвета (Мальчики и девочки, СМИРНО!) и фотография с коллегами лет десять тому назад: Фэй, директор школы, сама Лиз – ее волосы были гуще и темнее, Пэт в своем бордовом периоде, Тельма – вот уж кто ничуть не изменился, и повариха Маргарет, которая умерла от рака (до того скандала). И Топси, мрачно и недоброжелательно улыбающаяся миру.

Лиз почувствовала, как в носу и горле вдруг запершило, и она отвернулась, глядя на запущенный печальный сад, и тогда Келли-Энн схватила ее за руку, а Несс произнесла «О-о-о, боже» с очередным отвратительным смешком. Лиз сморгнула слезы, от которых хмурый день за окном казался еще более размытым, и потянулась за салфеткой.

– Вот, выпейте, дорогуша. – Несс весело протянула ей кофе гораздо более приятного цвета, чем раньше. – Мы весь день не просыхаем.

Глядя на нее, Лиз задумалась о том, как давно женщины дружат. Она была уверена, что не слышала о Несс раньше, но за друзьями Келли-Энн всегда было трудно уследить. Вся эта бесконечная вереница Джейд, Лил, Шейзов и Джеков начиная со школьной скамьи – вот они не разлей вода, а вот уже разошлись как в море корабли, и хоть убей не заметишь, когда все

поменялось. Хоть убей. Лиз поежилась от этого выражения, несмотря на то что в кухне было тепло.

Она перевела взгляд на Келли-Энн. Ну что ж, вот Лиз сидит за гранитной столешницей с чашкой кофе, как она себе это и представляла, но совершенно не знает, как начать разговор, и уж тем более такой, который ее успокоит. Не может же она упомянуть, что Топси казалось, будто кто-то хочет ее убить, – все равно что представить, как сама Топси сейчас войдет в кухню в кардигане Эдинбургской шерстяной фабрики.

Но даже горе не могло помешать Келли-Энн как обычно заполнить тишину. Пока Лиз потягивала кофе, сжимая в руках свисток, она начала говорить, громко и быстро, будто слова бежали наперегонки с эмоциями (не считая перерывов на комментарии и неизбежные смешки Несс).

* * *

Итак, Келли-Энн уехала в мини-отпуск: Португалия, с вечера четверга по воскресенье, аэропорт Тиссайд, такси, 450 фунтов стерлингов за все. И она совершенно случайно наткнулась на это предложение. (Подруга, ты в этом нуждалась!) Конечно, она могла бы взять маму с собой, но, честно говоря, ей нужен был перерыв (о да!). Оглядываясь назад (да, хорошая привычка!), Келли-Энн должна была убедиться, что Паула, как обычно, присмотрит за мамой, но все случилось буквально в последнюю минуту, и эта мысль не пришла ей в голову; только по приезде в Алгарве она вспомнила, что уборщица вообще-то в отъезде. Она могла бы попросить кого-нибудь – Несс, Лиз, да кого угодно – присмотреть за матерью, но они поговорили по телефону, Келли-Энн напомнила ей про таблетки – в сотый раз, и все было в порядке – ну, в рамках возможного. (Она, наверное, подумала, что сама в Португалии, бедолажка!)

Келли-Энн позвонила в воскресенье из аэропорта перед самым вылетом, но ответа не получила. Бывало, мама смотрела «Ветеринара из Йоркшира»¹⁶, и в такие моменты ее не могла отвлечь даже бомба. Она позвонила еще раз, когда приземлилась. И снова никакого ответа. Конечно, ей следовало попросить кого-нибудь, соседку (или вас, Лиз), провести мать...

Тут эмоции наконец-то достигли апогея, и ее голос превратился в хриплый шепот. Келли-Энн замолчала, и Несс обняла ее. (Подруга, любой поступил бы так же.) Приободрившись, Келли-Энн сделала глубокий вдох и подошла к заключительной части рассказа. Когда она подъехала к дому, внутри вдруг пробежала холодная дрожь, и она поняла, *сразу* поняла: что-то не так. Войдя внутрь, она увидела, что Топси сидит в кресле напротив включенного телевизора, холодная, как камень...

Повисла пауза, и Лиз осознала, что свисток в ее руке потеплел; разжав ладонь, она заметила глубокие розовые вмятины. Как жаль, что здесь эта Несс.

Словно прочитав мысли Лиз, Келли-Энн посмотрела на Несс, которая аккуратно заворачивала в бумагу коричневые кофейные чашки.

– Подруга, тебе разве не нужно созвониться по Скайпу? – сказала она. В ее тоне слышались повелительные нотки.

Несс тут же выпрямилась и радостно улыбнулась.

– Покой нам только снится, – засмеялась она.

Это удивило Лиз: при всем своем властном характере Несс Харпер с удовольствием подчинялась, когда Келли-Энн говорила ей, что делать. Насколько же они близки? Несс забрала ноутбук и вышла из комнаты. И вот теперь они остались вдвоем, лицом к лицу, разделенные лишь гранитной столешницей. Пускай же поскорее все ее страхи окажутся напрасными.

¹⁶ «Ветеринар из Йоркшира» – британский документальный сериал о работе команды ветеринаров из Йоркшира.

– К вам приходила полиция? – спросила Келли-Энн, едва закрылась дверь за Несс. Ее тон был нетерпеливым и напористым.

– Да, – ответила Лиз. – Приходила. – Она вкратце пересказала то, что было уже известно Пэт и Тельме. Келли-Энн молча сидела, не отрывая взгляда от рук, сложенных на столешнице.

– Келли-Энн, – произнесла Лиз, – надеюсь, ты не против, если я спрошу. Были ли у Топси какие-то проблемы с таблетками?

Келли-Энн глубоко вздохнула.

– Лиз, я знаю не больше вашего. Вы же знаете, какой была мама. Я вам так и сказала тогда. Она все время принимала разные таблетки, благослови ее Господь. Вы сами видели. – В ее тоне было что-то настойчивое. – Я рассказала полиции обо всех случаях, когда она что-то путала, о том, как мне приходилось напоминать ей, чтобы она выпила таблетки. Зачастую я буквально стояла у нее над душой, чтобы убедиться, что она их приняла.

– У нее была таблетница с отсеками, – напомнила Лиз.

– Да, все так. Но это помогало, если только она не путала дни.

В голове Лиз промелькнуло воспоминание: *«Воскресенье». «Сегодня понедельник, мама...»*

– Но, Лиз... – Келли-Энн понизила голос и оглянулась через плечо: ни Несс, ни молодого сборщика мебели поблизости не было. – Дело в том, что, когда я вернулась, таблеток было меньше, чем прошло дней... и они все были перепутаны. Как будто коробку уронили, а таблетки просто положили на место как попало... Вот я и думаю, может, она приняла слишком много? Но я не знаю. В любом случае полиция забрала это...

– Таблетницу?

– И ее, и сами таблетки, все-все лекарства. Я сказала: забирайте. Я больше не хочу ничего из этого видеть.

– Полагаю, они должны проверять такие вещи, – заметила Лиз. Все это начинало приобретать какой-то ужасный смысл. – Мать Дерека. Однажды она приняла весь запас таблеток. И оказалась в больнице.

– Вот именно. – Келли-Энн ухватилась за эту историю. – Думаю, это и случилось с мамой, упокой Господь ее душу.

– Ты сказала, что позвонила ей из Португалии и напомнила о таблетках.

– Я всегда так делала, когда меня не было рядом. Я позвонила и сказала: «Запомни, мама: взять таблетницу, выпить субботние таблетки – синие и желтые, красно-желтые и белые». Девушка в отеле посмеялась надо мной. Наверное, со стороны это выглядело забавно.

– И ты рассказала все это полиции?

– Лиз, я повторяла это до посинения! Но ведь я была в трех тысячах миль от нее, когда она приняла эти чертовы лекарства, так что на самом деле я просто не знаю. – Она вздохнула, и этот вздох, казалось, исходил из самой глубины души. – Я должна была быть рядом, – тихонько добавила Келли-Энн.

* * *

Возвращаясь назад, Лиз не чувствовала той легкости на сердце, на которую надеялась. Как уже говорила Пэт и Тельме, она видела, что Топси собиралась принять таблетки не того дня, но сами таблетки были правильными... Это разные вещи. И это беспокоило ее. Что-то в этом деле было не так.

Лиз покачала головой. Вокруг Гортопса крутилось слишком много людей – ремонтник, Несс, юный горе-сборщик (Ларри?), Паула и, конечно, Келли-Энн. Раньше она представляла себе Топси мирно почившей в одиночестве в своем кресле. Но теперь этот образ изменился. Она по-прежнему сидела в кресле, но со всех сторон за ней наблюдали бесформенные тени.

Но разве Лиз могла что-то с этим сделать?

Глава 10, Где делают много звонков и мечтают о крепком кофе

– Тельма, я должна была быть рядом. – В трубке прозвучал голос Келли-Энн, напомнив Джоан Кроуфорд в фильме «Милдред Пирс». – Пусть это было тяжело, пусть я нуждалась в отпуске: в конце концов, это моя мама, а меня рядом не оказалось.

Тельма нахмурилась. Вся речь Келли-Энн была выстроена так, чтобы подвести к единственной реакции: чтобы ее успокоили и заверили, что это не так. Тельма чувствовала себя немного виноватой, издав вместо этого неопределенный звук. Келли-Энн, однако, пропустила это мимо ушей. Любая попытка вступить на тонкий лед и спросить о лекарствах становилась все менее и менее вероятной, поскольку словесный поток и не думал иссякать.

– Я спрашиваю себя снова и снова: могла ли я что-то сказать или сделать? Положа руку на сердце, Тельма: нет, ничего.

Разве что не уезжать за три тысячи миль, не удосужившись заранее позаботиться о матери. Тельма тут же произнесла про себя покаянную молитву за эту осуждающую мысль. Было уже почти двадцать пять минут пятого, Тедди вот-вот вернется из финансового комитета колледжа, а значит, он будет озабочен и недоволен, и к этому времени хорошо бы уже начать готовить ужин и предложить ему рюмку хереса.

– ...и если она действительно приняла не те таблетки...

Тельма подобралась, все мысли о замороженной лазанье из фермерского магазина улетучились из головы. Не те таблетки?

– Дело в том, Тельма, что когда она их принимала, я была в трех тысячах миль от нее... – Драматическая пауза.

Тельма воспользовалась моментом.

– Полиция ведь что-то спрашивала у Лиз, – вставила она. – Насчет таблеток?

– Да, они интересуются этим. Лиз сама видела, как обстояли дела – все вверх дном. Но маме становилось только хуже, упокой Господь ее душу: вся ее жизнь превратилась в одну большую путаницу. Вы же сами видели. – Голос Келли-Энн прозвучал с новой силой. Тельма открыла дверцу морозильника: он был набит битком. Извлечь лазанью одной рукой будет непросто.

– Я имею в виду, все к этому и шло, без вариантов: находиться одной стало для нее небезопасно. Она уходила искать отца в любое время дня и ночи... Мне постоянно звонили: «Тут на автобусной остановке твоя мама». Иногда она бродила по полям в тапочках...

В тапочках? Две запеканки и карри с грохотом свалились на плиточный пол. Это было новостью для Тельмы, и она хотела спросить еще что-нибудь, но Келли-Энн уже сменила тему, рассказывая о маминых заморочках – вернее, о том, как заморочки матери мешали дочери. Доставая и убирая еду, Тельма вознесла еще одну краткую молитву. Ей не следовало так раздражаться; в конце концов, Келли-Энн потеряла мать.

– Я хочу сказать, эта поездка была моим последним шансом... – Пока Келли-Энн говорила, Тельма успела заглянуть в ящик с овощами и записать *помидоры черри* на доске напоминаний.

Прошло уже двадцать две минуты.

– Я должна была быть рядом, – повторила Келли-Энн. Тон изменился. Джоан Кроуфорд превратилась в потерянного, избалованного ребенка, и Тельма наконец-то почувствовала что-то кроме переживаний из-за ужина.

– ...я подъехала к дому, и, клянусь богом, Тельма, внутри вдруг пробежала холодная дрожь, и я поняла, сразу поняла: что-то не так.

Звук поворачивающегося ключа заставил Тельму подняться. Никаких радостных возгласов «Священник в здании!». Плохой знак.

– Келли-Энн, мне пора, – бросила она.

* * *

– Взгляд? – Зажав телефон под подбородком, Тельма соскребала остатки лазаньи в контейнер. – Какой такой взгляд? – Прошло два часа, и Тедди расслаблялся за бильярдным столом.

– Не знаю, просто взгляд, – ответила Пэт, свернувшись калачиком на диване с бокалом в одной руке и телефоном в другой.

– Злой? – уточнила Тельма. – Нетерпеливый? – Она поставила блюдо из-под лазаньи отмокать. Догадается ли Пэт, если она потрет его губкой прямо посреди разговора?

– Нечто среднее. Трудно быть уверенной, не зная контекста. Но она совершенно точно была недовольна. Что бы ни замышляла Мэнди, думаю, Джо была в курсе, и ей это не нравится. – Она сделала глоток «Мерло» насыщенного бархатисто-красного цвета. – В любом случае полиция разберется.

– И ты собираешься пойти на эту зумбу? – спросила Тельма.

– Вот еще, – фыркнула Пэт. – Как ты себе это представляешь? Я подскачу к ней и скажу: «Эй, Мэнди! Что это еще за фокусы?»

Она отпила еще – какое блаженство. А завтра она сядет на настоящую диету.

* * *

– Итак, уже три человека в доме, о которых мы знаем. – Лиз безуспешно пыталась не выдавать волнения; этот тон был знаком Тельме с давних времен. Наступила пауза.

– Ты тут? – уточнила Лиз.

– Я просто размышляла, – ответила Тельма, загружая посудомоечную машину.

– О чем?

Тельма не ответила, потому что не могла отчетливо сформулировать мысль – о таблетках, взглядах, заморочках, а еще о том, что ей надо поскорее обратиться на кухне, чтобы присоединиться к Тедди за просмотром «Садовых спасателей».

Лиз на другом конце провода нахмурилась. Не этого она ждала, когда звонила подруге. Она хотела, чтобы Тельма успокоила ее в духе матери: все это, наверное, пустые домыслы.

– Разумеется, – сказала Тельма, – лучше всего спросить у Паулы.

– У Паулы?

– Она же вроде трижды в неделю у них убиралась? Так что кому, как не ей, знать обо всех визитах.

Лиз нахмурилась сильнее; она звонила совсем не за этим. Спросить у Паулы?

– Мне пора идти, – сказала Тельма, включив наконец посудомоечную машину.

* * *

Позже Тельма сидела за кухонным столом, потягивая ромашковый чай и мечтая о кофе. Обычно к ромашковому чаю у нее не было никаких претензий, но сегодня ей захотелось кофе, крепкого растворимого кофе. «Кофе для дежурных на детской площадке», как она его называла, – но тогда она не заснет. А ей нужно было хоть ненадолго отключиться от тех вопросов, которые постоянно крутились в голове на протяжении просмотра «Садовых спасателей». Могла ли Мэнди Пиндер сознательно перевести деньги мошеннику? И что это были за люди –

Пронырливый Ремонтник, Командирша Несс и тот паренек, чинивший телефон и ломавший сборную мебель?

Тельма еще раз пробежалась по печальной веренице событий, предшествовавших смерти Топси.

С одной стороны, все вроде к этому и шло. Отвратительная махинация, последующее уныние, деменция – все это более чем объясняло жуткие слова Топси в садовом центре. А после – отъезд Келли-Энн, перепутанные таблетки и трагическое стечение обстоятельств...

– Боже, – выдохнула она. – Все складывается.

Так почему же тогда она сидит и мечтает о кофе, чувствуя, что далеко не все в этой картине складывается? И что это за деталь?

* * *

На следующий день, когда Тельма выкроила десять минут на размышление, закончив расставлять цветы в прохладной тишине церкви Святой Екатерины (отопление здесь включали только во время службы или если приходили группы), она задумалась: вдруг она была слишком строга к Келли-Энн, уехавшей за границу; в конце концов, Келли-Энн всегда делала что хотела, не заботясь о других.

Кому, как не Тельме, было это знать.

Потертый желтый кардиган...

Она заставила себя вернуться к делам; цветы расставлены (нарциссы довольно невзрачные, но это было лучшее, что она нашла), и через двадцать минут ей надо быть в благотворительном магазине. И ей следует поторопиться, если она хочет оплатить счет за газету до своей смены, но ей не хватало энергии: она совсем не выспалась. Тельма зевнула, моргнула, в миллионный раз прокручивая в голове слова Топси.

Было бы лучше, если б она умерла...

– Господи, – сказала она вслух. – Да что же здесь не так?

Тельма попыталась успокоить свой измученный разум, устремив взгляд на витраж за алтарем, где был изображен потускневший Иисус с протянутой рукой. Было пасмурно, и с трудом верилось, что в ближайшие недели весеннее солнце превратит витражи в яркие цветные фигуры. Взгляд Тельмы упал на алтарь, и она инстинктивно остановилась. Что-то не так. Что именно? Она присмотрелась внимательнее. Конечно же, нарциссы, которые она поставила. Слово «нарциссы» ассоциировалось с яркими пятнами цвета яичного желтка, а не этими тощими зеленоватыми экземплярами, в тусклом свете выглядящими нелепо и неуместно. Странно, подумала Тельма, когда ты сразу понимаешь, что что-то не так, хотя не можешь сказать, что именно: глаза опережают мозг.

Она слегка выпрямилась. Что это напомнило ей? Какую-то фразу, брошенную Келли-Энн... *Я поняла, сразу поняла: что-то не так.* Келли-Энн почувствовала, как внутри вдруг пробежала холодная дрожь.

Но почему? Как Келли-Энн поняла, что что-то не так, еще *до того*, как вошла в дом? Что она увидела?

Глава 11, Где в «Теско» произносят что- то вроде молитвы и много негодуют

Лиз, как и Тельме, толком не спалось. На следующий день, сонно бродя по «Теско» среди корзин и тележек, брокколи и булочек (не забыть: Джейкоб решительно отказался от тефтелей и перешел на сэндвичи с индейкой), она осознала, что утро и впрямь приносит свежие мысли. Полиция задает вопросы? Ну и что в этом такого, это их работа в случае внезапной смерти. Да и они не выглядели слишком уж взволнованными... Она вспомнила детектива Донну, беззаботно глядящую на зарождающиеся примулы, сопение и шмыганье констебля Триш (не отдавая себе отчета, Лиз бросила в тележку две упаковки порошков от простуды). Правда заключалась в том – и это был тот тип правды, о которой гораздо лучше размышлять здесь, в «Теско», в десять тридцать утра, а не в ненастные ночные часы, – что люди смертны. И порой смерть наступает внезапно. Люди – она посмотрела на окружающих – каждую неделю выбирают мюсли, спелые помидоры и мусорные мешки... а потом наступает конец.

И даже если Топси действительно перепутала таблетки от сердца – что с того? В этом нет ничего зловещего. А та ситуация с банковским мошенничеством – просто совпадение, неприятное, но совпадение. Все сходилось.

Но почему же тогда она постоянно ощущает это ледящее душу беспокойство?

Как и Тельма ранее, Лиз вознесла молитву – вернее, что-то вроде молитвы. Ухватившись за ручку тележки в отделе готовой еды, она обратилась к любым высшим силам, которые были готовы услышать ее усталый разум: «Как бы мне отпустить все это?»

В течение многих лет Лиз воспринимала Бога в двух ипостасях: с одной стороны, это добрый дух, которого прославляют на Рождество, накинув кофейное полотенце на голову во время спектакля, и на Пасху, подготовив километры яркой папиросной бумаги; на протяжении тридцати шести лет она рассказывала детям о нем наряду с лягушачьей икрой, самыми важными профессиями и счетом до десяти. Вторая его ипостась, однако, была куда суровее: небесное божество, готовое нахмуриться и неодобрительно покачать пальцем, когда она втискивалась на последнее парковочное место или проходила мимо продавца уличных газет. В последнее время это полярное представление менялось – выход на пенсию, смерть родителей, подозрение на рак у Дерекы и следом – моменты внезапного покоя в солнечные дни: она начала задумываться, что, возможно, ее прежнее восприятие было слишком упрощенным и во всем этом кроется нечто большее.

И все же на данном этапе своей жизни Лиз твердо верила, что любые ответы на вопросы, обращенные к Всевышнему, будут сопровождаться грозным негодующим перстом. Вот почему она не сразу опознала маленькую фигурку в ярком бирюзовом пиджаке, хмурую уставившуюся на пачку куриных палочек, как ответ на свою молитву.

Паула, некогда уборщица в школе Святого Варнавы, а впоследствии домработница Топси, подняла голову, заметила Лиз и посмотрела на нее безо всякого удивления.

– Вы только посмотрите на это! – Она с отвращением помахала куриными палочками. – Подорожали на пятьдесят пенсов, а упаковка-то вдвое меньше, чем год назад.

* * *

– Кошмар, – произнесла Паула, энергично разрывая и высыпая два пакетика сахара в кофе. Она злобно оглядела кафе «Оазис покупателя». – Совершеннейший кошмар от и до. Но

она становилась, упокой Господь ее душу, не от мира сего. Так было с моей матерью. Я точно знала, к чему все идет.

Лиз с надеждой посмотрела на женщину, которую Келли-Энн окрестила святой. Если кто и мог унять тревожные мысли о Топси, так это Паула с ее фирменными едкими и категоричными замечаниями. У нее было два основных воспоминания, связанных с ней. Первое: что бы ни происходило в жизни, стакан Паулы был всегда более чем наполовину пуст. Всякий раз, когда Лиз думала о ней, в ее памяти всплывало агрессивное мытье полов, сопровождаемое горькими монологами с неизменным мотивом «это отвратительно». Второе: сын Паулы, Найджел (с ранних лет получивший прозвище Рокки, после того как ударил лампой хулигана вдвое старше себя), который (после фальстарта, завершившегося тремя месяцами в учреждении для малолетних правонарушителей) нашел работу стриптизером в составе популярной местной группы, известной как «Северные рыцари».

В странном контрасте с непрекращающейся горькой усталостью от мира было в отношении Паулы к выбранной сыном профессии что-то трогательно невинное; в то время как большинство родителей старались бы лишней раз не упоминать о таком, уголок котельной всегда был увешан фотографиями Рокки с его идеальной белоснежной улыбкой и потрясающими голубыми глазами в различных стадиях наготы. Сейчас, сообщила ей Паула, пока они стояли в очереди за кофе, он работает в продажах и дела идут в гору. Настолько, что он уже купил шикарную машину в том шикарном автосалоне в Бороубридже. Лиз не была уверена, правда ли это, но одно было очевидно: Паула верила каждому слову сына о его успехах.

Заказав кофе, они сели за столик, и разговор резко перешел на Топси.

– Ее нельзя было оставлять на произвол судьбы. Не в таком состоянии. Никогда. Отвратительно, скажу я вам. А ее дочери плевать.

– Келли-Энн рассказала мне, как много вы для нее делали, – дипломатично сказала Лиз.

– А она рассказала, как подозревала меня в краже денег и натравила на меня полицию? – Паула с коронным возмущением выпятила грудь и плечи; этот жест был прекрасно знаком Лиз.

– Нет.

– Полиция нагрянула чуть ли не на следующий день: с банковского счета миссис Джой сняли четыреста фунтов стерлингов, не знаю ли я, мол, что-нибудь об этом? «Нет, – говорю я. – И более того, прежде чем вы покинете этот дом, я хочу, чтобы вы обыскали мою сумочку и мои карманы; вообще-то вам лучше обыскать все вокруг, а пока вы это делаете, я расскажу, какие деньги и где вы найдете: банку из-под варенья, где лежат двадцать пенсов на рак, вот так-то». Это заставило их замолчать.

– То есть пропали какие-то деньги?

– Сняли с ее карты, ага.

– Но разве сама Топси не могла этого сделать? Она же не отдавала себе отчет.

– Ей пришлось бы сильно постараться, – мрачно улыбнулась Паула. – Денежки-то сняли *после* ее смерти, в воскресенье утром, как они сказали. И сняли их в этом банкомате, на улице.

Лиз перевела взгляд на банкомат напротив залитой дождем парковки, словно ожидая увидеть там зловещую фигуру в красно-черной полосатой майке и черной маске, терпеливо стоящую в очереди. Она снова посмотрела на Паулу.

– Они выяснили, кто их снял?

Паула снова фыркнула.

– Оказалось, никакого преступления-то и не было; это миледи Келли-Энн перепутала карточки. Жаль, что она не поняла этого до того, как ко мне в дверь постучала полиция. И подумать только: слинула в Алгарве, оставив бедняжку одну-одинешеньку. Но это было для нее в порядке вещей.

Лиз издала нейтральный звук.

– Я бы сама навестила миссис Джой, да только наш Рокки выступал в Клиторпсе, и я присматривала за Ческой и Рубеном. Я сказала: «Келли-Энн, меня не будет в эти выходные – я сижу с внуками». Но, как пить дать, у нее в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Как обычно. И вот в воскресенье утром мне звонит Келли-Энн, в ужасном состоянии. Никак не может разбудить мать. Буря эмоций. – Она мрачно покачала головой. – Если б только она сказала, что уезжает в Алгарве, я бы что-нибудь придумала; конечно, я бы что-нибудь придумала.

– Как я поняла, она собралась в последнюю минуту.

Паула издала фирменный неодобрительный звук, нечто среднее между фырканьем и сопением.

– Сколько времени нужно на один телефонный звонок?

– Возможно, она не хотела вас беспокоить.

– Что-то раньше это никогда ее не останавливало. – Это выражение лица Паулы было слишком хорошо знакомо Лиз (тот ужасный раз, когда Пэт дернуло посыпать бумажные фигурки блестками!).

– Забота о матери наверняка отнимала у нее столько сил, – сказала Лиз.

В ответ снова раздалось фырканье, еще более выразительное и злобное.

Отсутствие присмотра... перепутанные таблетки... все это вырисовывалось в трагическую, но цельную картину.

– Келли-Энн, наверное, было очень тяжело, – заметила она.

– Я вам кое-что скажу, Лиз. – Тон Паулы был мрачным, она разглаживала фольгу с таким видом, будто точила лезвие. – Мадам Келли-Энн и знать ничего не желала, когда дело касалось матери. Я буквально заставляла ее признать проблему. «Келли-Энн, – говорила я, – меня беспокоит ваша мама. С моей было так же, я знаю, как это развивается».

– Такое трудно признать.

– Можно отмахнуться, да только дело это не решит. – Паула никогда не отличалась умением выслушивать чужие аргументы. – Я говорила ей: «Келли-Энн, послушайте мой совет, обратитесь к доктору». И ничего.

– Но ведь в конце концов она так и сделала?

– Только после того, как у них увели все деньги. Вот тогда-то она поняла, что ей пора поднять свой большой зад и что-то сделать.

– Это так ужасно, – вздохнула Лиз. – Деньги исчезли так просто.

– В первый раз я разговаривала с тем мерзавцем. Конечно, откуда мне было это знать? «Здравствуйте, это миссис Джой? – говорит он с таким приятным шотландским акцентом. – Я звоню из отдела по борьбе с мошенничеством банка “Роял Йорк”». Ну я и пошла за ней, да только он уже трубку повесил. Странное дело. Я тогда Рокки и сказала: «Не нравится мне это». А Уэйн из «Рыцарей» сказал, что это похоже на какие-то махинации, и Рокки почитал про такое в интернете. И вот звоню я, значит, мадам Келли-Энн, и что слышу в ответ? – Она выдержала паузу, но Лиз промолчала. Паула обожала риторические вопросы. – «Если это важно, они перезвонят».

Паула покачала головой с видом человека, чьи мрачные пророчества были проигнорированы.

– Ну, перезвонили они. Да еще как. И вот я снова говорю Келли-Энн: «Вашей маме тут перезвонили из банка и велели перевести куда-то деньги, и все это мне очень не нравится, скажу я вам». И знаете, сколько она выжидала? Три дня. – Три пальца с ярким оранжевым лаком постучали по пластиковой столешнице. – Ну, разумеется, к тому времени было уже поздно.

– Это, наверное, так ужасно.

– Для мадам Келли-Энн само собой. Не думаю, что миссис Джой, бедняжка, поняла, что случилось. Я прихожу – а там царит бедлам: Келли-Энн гудит и булькает, а эта ее бестолковая

подружка что-то там вещает. Просто кошмар. А тут еще бедолажка миссис Джой ни о чем не догадывается. «Что происходит, Паула?» – спрашивает она. «Какой-то бардак, – говорю я. – Пойдемте лучше телеигру с вами посмотрим». – Паула перевела взгляд на кофе. – Скажу вам честно, Лиз, как это ни ужасно, но так лучше для нее. Через это очень трудно проходить, а если твоим родным и близким наплевать, то и подавно. – Женщина вздохнула. – Она так мирно выглядела в своем любимом кресле.

В ее голосе не осталось ни следа едкости, но появилась хорошо знакомая Лиз дрожь. Она положила ладонь поверх руки Паулы, и они молча почтили память Топси в кафе «Оазис покупателя».

– То есть вы думаете, все дело в перепутанных таблетках? – в конце концов спросила Лиз.

– Ну а в чем же еще, – откликнулась Паула, доставая из рукава салфетку. Лиз показалось или в ее голосе прорезалась язвительная нотка? – Она была в таком состоянии, что это не удивительно. – Она засунула салфетку обратно. – Это был лишь вопрос времени. В конце концов, дошло же дело до пожарной сигнализации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.